

Г.С.Померанц.**Интервью.**

10.03.2004 г.

Современный Запад – клубок проблем, каждая из которых, вытаскиваемая из клубка, кажется решаемой, но в широкой действительности все сплетено друг с другом и каждая решенная проблема создает две новых. Одна из таких проблем – кризис нации-государства. Этот кризис обсуждается в двух книгах, с которыми я недавно познакомился¹.

Хочется прибавить нечто к сказанному. Концепции Бьюкенена и Воге, поставленные рядом, приобретают дополнительный интерес. Для Бьюкенена государство–нация – незыблемая основа христианской цивилизации, безусловное благо и необходимы чрезвычайные меры, чтобы сохранить его. Для Воге государство–нация – недолгий зигзаг истории, который естественно сходит на нет. Кстати, если вы смотрели пресс-конференцию с Занусси, там один заядлый националист спросил его, «как вы относитесь к нации». Занусси сказал: «ну нация – это ведь недавнее явление, ей всего лет двести». Он подчеркивал, что «раньше я себя чувствовал поляком, а в Польше я чувствую себя в основном европейцем». Это ближе к позиции Воге, а не Бьюкенена. В книге «Человек, рынок, власть» Воге сравнивает государство–нацию с «холодильником наизнанку»: создавая тепло внутри, распространяет вокруг холод отчуждения и ненависти. Его плодом были этнические чистки. Мультинациональное государство создает новые проблемы, но оно неизбежно по нескольким очевидным причинам: рост международных связей, упадок численности европейского населения, необходимость импорта рабочей силы. Можно оспаривать роль Франкфуртской школы на рождаемость американок, – я об этом уже пошутил; но факты, угрожающие нации–государству, наступают.

Мультикультурное государство потребует правовой границы между нацией и политикой. Национальная приверженность становится делом личного

---

¹ Buchanan P.J. The Death of the West. – N.Y., 2002; Waage P.N. Menseh. Markt. Machf. – Oslo, 2002

выбора, как религия. Эта концепция восходит к Штейнеру, а в конечном счете к Австро–Венгрии. Подобные идеи выдвигались еще лордом Эктоном в 1862 г.; практически они осуществлялись в Австро–Венгрии и в Эктон имел в виду этот пример, Австро–Венгрию ему хотелось сохранять и развивать. Заглядывая в будущее, Воге вслед за Умберто Эко предполагает возникновение новых мультинациональных мегаполисов, типа Нью–Йорка, и креольских наций. Воге не ссылается на Эко, по–видимому, он сам пришел к тем же идеям, просто наблюдая факты. Мультинациональные государства могут достичь устойчивости, развивая общий язык общения, язык диалога, связывающего религии и этносы. Они могут стать очагами планетарного диалога цивилизаций. Когда я думаю, как будет происходить планетарный диалог, я допускаю, что одним из его очагов станут внутригосударственные диалоги, где общины, допустим индийская, китайская, африканская, мусульманская, окажутся, как в Нью–Йорке, рядышком. Это станет не только разговором одночек, как Далай–Лама и Томас Мертон, а может переходить на бытовой уровень. Воге акцентирует эту возможность и отвергает неизбежность войны цивилизаций. За описанием фактов он видит у Хантингтона теорию, оправдывающую американскую борьбу за господство, и поддерживает идею о важности диалога в становлении всех великих субглобальных цивилизаций, диалога, который будет продолжен и в развитии планетарной цивилизации. Воге подчеркивает (и я с ним согласен), что у Хантингтона нет сознания неполноты американской цивилизации, сознания необходимости диалога, Америка для него такой же образец, как для мусульман ислам.

Остается нерешенной проблема современного состояния арабского ислама, напоминающее кризис, из которого выросли коммунистическая и фашистская диктатуры. Арабский ислам, знавший эпоху диалога в VIII–X веках, сегодня находится под влиянием воинствующих течений и в перспективе ближайшего десятилетия не диалогичен. Идеология исламизма не допускает возможности возрождения христианства. единственным ответом на размывание религиозных основ Европы мыслится идея всемирного халифата. Агрессивные течения ислама ставят возможности мультикультурализма под вопрос. Однако трудность

может быть преодолена, возможно, поощрением иммиграции из стран Азии, не затронутых исламом или, по крайней мере, не затронутых ваххабизмом. Потребность стран Запада в рабочей силе может быть удовлетворена за счет Латинской Америки, Африки южнее Сахары, Индии и Дальнего Востока. Европейское население, даже если его численность будет падать, сохранит относительное большинство по отношению к индийскому, дальневосточному, африканскому, ближневосточному анклаву; остальное зависит от духовной активности европейцев и их партнеров в диалоге – индуизма и буддизма. Если ислам на время останется вне диалога, можно будет обойтись и без него. Воинствующее меньшинство может быть нейтрализовано, и постепенно в самом исламе выдвинутся суфийские ордена, которые уже сегодня стали частью западной жизни. Ислам сложен, нельзя представлять его себе по криминальной хронике, есть масса западных откликов на учения суфиев. Подобное развитие диалога нельзя смешивать с агрессией.

Выживание Запада не гарантировано, но оно возможно, если Запад преодолеет свою духовную апатию, если его христианство обновится, освободится от тирании обветшалых догм и станет активной творческой силой.

Вернемся теперь к Бьюкенену. Бьюкенен много говорит о религии. Я тоже о ней думаю, но мы думаем о ней по-разному. Для меня в центре – возможность возрожденного созерцания, возрожденной молитвы, над чем работали Томас Мертон, Антоний Сурожский и другие. А для него – поддержание семейной дисциплины и возвращение женщин в детскую и на кухню – в духе лозунга кайзеровской Германии: *Küche, Kirche und Kinder* (кухня, церковь и дети). Это уже было и провалилось. Какая-то часть населения может быть подхвачена фундаментализмом, но большинство скорее станет отталкиваться от него.

Кризис глубже, чем Бьюкенен предполагает. Утрата чувства глубины, выход на психическую поверхность (чему очень способствует телевидение) поощряет гедонизм, а гедонизм приводит к вырождению, и если Запад будет духовно вырождаться, то на уровне призывов этому нельзя помешать. Вопрос остается открытым. Я просто наметил, что никакого рока здесь нет, здесь можно

вести разумную политику, не пытаясь остановить реку, чтобы она пошла обратно, а направляя течение, куда следует.

Теперь вопрос о мультикультурном обществе. Так как я имею очень ограниченный опыт международных странствий, я ссылаюсь на Умберто Эко. Он берет две формы: либо лоскутное общество типа Нью-Йорка, анклавов рядом друг с другом: китайский квартал, еврейский квартал, итальянский квартал, ирландский квартал. Они имеют лингва франка, это плохой, но английский язык, на котором они объясняются, но никто не мешает им жить своей жизнью, создавать китайские рестораны, мечети, синагоги.

Любин. В России более понятно – Брайтон Бич.

Померанц. Если хотите, Брайтон Бич.

Кондратьева. Как контакты там наладить, в этом вся проблема.

Померанц. Они все нью-йоркцы

Кондратьева. А внутренние контакты, человеческие контакты, они же все живут отдельно.

Померанц. Они живут по своим обычаям, но мирно. Пока нам придется удовлетвориться этим. Другой путь, говорит Эко, – креолизация; это когда идет смешение населения, и возникает, как Нагульнов говорил, что все будут приятно смуглыми. Это нагульновский вариант.

Любин. Это центральная Америка. С вашей точки зрения, какой путь реальнее?

Померанц. Я думаю, что в мегаполисах могут возникнуть повторы Нью-Йорка, в таких центрах, как Лондон, где, благодаря законам Британской империи, все время приезжают со всего света. Объединить это на ближайшие десятилетия единым духом чрезвычайно сложно, безусловно, будут такие и такие кварталы. Живя рядом по соседству, они неизбежно должны выделить какую-то интеллектуальную элиту, которая будет общаться друг с другом, интересоваться, но это может не затронуть жизнь основной массы. В обозримые десятилетия эти нью-йоркского типа мегаполисы останутся лоскутными одеялами. Умберто Эко сравнивает это с лоскутным одеялом. Возможен ряд таких лоскутных одеял. Что касается более широких территорий, там, где нет

отвращения к смешанным бракам, это очень существенно, – бразильский вариант, там, где не было колор бар... Бразилия – христианская страна, а этнически трудно сказать, что она собой представляет. Я смотрел бразильский сериал, они вполне христианские. Не так важно, какого цвета будут люди, а важно то, что если культура европейского части, даже если она станет меньшинством по отношению ко всем другим вместе взятым, будет достаточно активна, достаточно творческой, то эта креольская культура сохранит традицию европейской культуры. Опять–таки я к тому возвращаюсь, чем я кончил свои заметки. Если разрушение духовной жизни будет продолжаться в сторону колебания между цинизмом и экстазом, когда религия воспринимается как техника экстаза, утонченное наслаждение, то Европа может потеряться в своем импорте. Импорт восточных религий в Европу происходит главным образом в таком духе. Не их этика захватывает массы, а возможность какого-то невероятного ощущения, близкого к наркотическому.

В связи с этим я хотел бы вспомнить, я об этом пару раз вспоминал, но не все читали, мне Елена Львовна Майданович передала интересный разговор с Антонием Сурожским, который ей очевидно хотелось лучше понять. Он ей как–то сказал, что трезвость важнее вдохновения. Я ей тут же ответил, что он так говорит, потому что у него вдохновение есть всегда, он живет постоянно в духовном напряжении, и чего он опасается, то это вдохновения, перешедшего через край. У Пушкина другие термины, Пушкин сравнивает вдохновение и восторг. Вдохновение он считает связанным с мыслью, а восторг сравнивает с опьянением. Тут та же мысль, я бы сказал, это опасение экстаза на религиозном пути, который очень легко переходит в полупатологию и в совершенную патологию. Я это говорю не столько на основании личного моего опыта, сколько окружавших людей, с которыми я встречался. Я встречал экстатиков, которые, как говорится, полупсихопаты, и знаю один случай, когда кончилось просто шизофренией с трагическим результатом. Женщина молилась – молилась, а потом духи ей сказали броситься с 14-го этажа, и она выбросилась. И так далее. Вообще говоря, во всех клиниках есть замолвившиеся люди.

Вот это равновесие очень важно, вдохновения и трезвости, которое пытается проповедовать Антоний, и не только он, На Западе это тоже есть, ну, скажем, у Мертона, к сожалению, не долго прожившего, они почти ровесники. Антоний – 1914 г., Мертон – 1915 г., он умер в 1968 г., был несчастный случай. Это тот путь, при котором европейская, христианская по своим истокам, традиция может сохраняться и дальше развиваться. Хотя она безусловно должна несколько изменить свой характер.

Но я боюсь, мы уйдем в специальную область, в область, о которой очень трудно что-то говорить в будущем времени, потому что тут очень много зависит от индивидуального фактора, от появления очень яркой духовной личности, которая потом окрашивает своим влиянием все окружающее. Возьмите наше почти мертвое православие, вдруг, правда в очень своеобразных условиях, Антоний даже зарплаты ни разу не брал из Патриархии, подчеркивая, что он с советской властью ничего общего не имеет, такая вот яркая, в мировом масштабе значительная личность... Очень много зависит от неожиданного появления и не-появления такой яркой личности, поэтому нельзя предвидеть, как все будет складываться. Тут можно указать только основные направления, а каков будет удельный вес каждого, это трудно сказать.

Одно из направлений – это, к сожалению, фундаментализм. В том нравственном и духовном хаосе, в котором мы находимся и в котором очень легко запутаться, очень образованные, остроумные, милые в общении люди становятся принципиальными фундаменталистами. И для меня живой пример Михаил Ардов. Я с ним познакомился на поминках по моему старшему пасынку. Саша, мой пасынок, католик. Михаил Ардов – православный фундаменталист. Он настолько широк в индивидуальном плане, что не постеснялся, это не положено фундаменталисту, отпеть католика. И вообще в разговоре с ним легко. Человек он очень остроумный. Я читал его воспоминания. Там я могу привести один эпизод. Не знаю, стоит ли стенографировать, как трое священников, его знакомых, засиделись за столом, позже полуночи, и вдруг спохватились, как же они будут заутреню служить, когда надо ее служить, не вкушая. Потом один из них сказал, ну вот отец Василий будет служить, он свалился под стол еще до

двенадцати и после двенадцати ничего не вкушал, он и послужит. При этом он фундаменталист. Мень для него еретик. Я понимаю *raison d'être* такого умного фундаменталиста: отступи на шаг от буквы, и тебя засосет трясина вседозволенности. Так сказать, перед ним маячит, с одной стороны, Ставрогин, которому все позволено, а с другой стороны – буквальное исполнение правил.

И вот в Америке очень силен фундаментализм. Наряду со всякими чудесами техники там много фундаменталистов. По одному из социологических исследований, которые мне попадались в руки, примерно четверть американцев – фундаменталисты. Можно сказать, Буша выбирали фундаменталисты. Я, может быть, отвлекаюсь, но статистика меня поразила. Грубо говоря, американцев можно поделить на три группы: фундаменталисты – примерно четверть, затем люди просвещенные, которые понимают, что развитие техногенного мира загоняет нас на край пропасти, что пора как-то притормозить это, дать больше места созерцанию, и так далее, тоже четверть, не знаю, откуда они столько насчитали, меня это удивляет, это много. Ну, и примерно половина, которым плевать, что будет через пятьдесят лет, «а пока что я хочу новый чайник». Интересная при этом подробность, что здравомыслящие люди, близкие к здесь присутствующим, – более богатые. Они уже поняли, что не в деньгах счастье, и лишний миллион им ничего не прибавляет. И они понимают, что цивилизация в целом под угрозой. Я сформулировал это так, что Вандербильдиха уже хочет стать пастушкой, но «людоедка» Эллочка хочет стать Вандербильдихой. И вот большинство населения в процветающих странах это – людоедки Элочки, которые хотят стать Вандербильдихами, а это невозможно всем, поэтому продолжается то же безумное развитие сверхпотребления. При этом могут читаться и религиозные тексты, но это опять разновидность потребления, разновидность улады: сексуальный оргазм, наркотический оргазм, йогический оргазм – все в одном ряду. А потом усталость, разочарование, отупение и самоубийство. И с другой стороны – прямолинейный критицизм, не оставляющий в духовной традиции камня на камне, переосмысление всех святынь как фантомов, как полезная ложь, без

которой нельзя обойтись, иначе, с одной научной истиной, помрешь с тоски (эту идею у нас талантливо развивает А.М.Мелихов).

То, чего трагически не хватает, – это истинного созерцания, *contemplation*, потеряна способность к созерцанию. Воге в своей книжке описывает дела, требующие быстрого решения, и дела, требующие медленного решения. Мы настолько захвачены делами, требующими быстрого решения, что на то, что требует медленного решения, у нас постоянно не хватает времени. А наиболее глубокие проблемы наскоро не решишь. Можно вспомнить песню Галича: «Мне не надо скорой помощи, дайте медленную помощь». Надо медленно идти, чтобы приобрести способность видеть мир глубоко, до такой глубины, на которой она превращает наше собственное сердце в смыслообразующий центр. Если человек глубоко смотрит, то его собственное сердце находит слова. Это я знаю по собственному опыту. Для этого надо освободиться от плена бесконечных срочных вопросов, инструкций, которые требуют буквального выполнения, иначе будет срыв, беда, катастрофа. Машина цивилизации должна вернуть себе первую скорость, не жать все время на третью. Эта задача может быть поставлена, но учитывая, что мы не можем вдруг нашу цивилизацию остановить, перестроить и потом пустить заново, отсюда постановка вопроса о «паузе созерцания» в круговороте дел. Если не ввести «паузу созерцания», то от нас по-прежнему будет ускользать жизнь в целом, мы будем все время соскальзывать на поверхность каких-то очевидностей и терять чувство своей собственной глубины.

Об этом у Антония есть замечательная фраза, сознательно сформулированная на современном языке: «всякий грех есть прежде всего потеря контакта с собственной глубиной». Он сознательно выбрал такое электротехническое слово «контакт» хотя мог бы выразиться богословским языком. Он хотел быть понятым современниками. То, что надо восстановить, это контакт с собственной глубиной. Для этого сплошь и рядом надо притормозить суету дел. Как это делать, остается проблемой. Очень интересен опыт Колышкиной, нашей соотечественницы, которая в Канаде создала общину своих последователей. Там у нее был заведен отдельный домик, названный по–

русски «пустыней». Она исходила из опыта детства, когда мать брала ее с собой ходить по пустынным, по странникам и приобщала ее к дореволюционной народной вере. Вот она один домик назвала пустыней, куда она время от времени уединялась, она не ставит себе никакой цели, хочет спать – заснет, немножко еды, чтобы голод не отвлекал. И в конце концов приходило какое-то слово, и она вдруг интуитивно чувствовала, что в это слово надо всмотреться. Ну, например, вдруг слово «прозрачность», она начинает думать над словом «прозрачность», о том, что мы стали непрозрачны друг другу. Вообще, это немножко поэзия, так стихи рождаются, но у нее из этого рождался ряд проповедей, ряд писем членам общины, как настраивать всю свою жизнь, как находить главную линию жизни.

Это один из примеров создания каких-то точек для самоуглубления, оставаясь внутри нашего мира, не уезжая в заповедник. Я смотрел два фильма документальных о наших людях, ушедших на Северный Кавказ и там опростившихся. Но это решение индивидуальное. Может отдельный человек уйти, а надо в наших мегаполисах найти какие-то точки, в которых возрождается культура созерцания. В принципе это может быть, при известном настрое, возле какого-нибудь храма, где есть настоящий пастырь, или дружеская группа. На Западе эта проблема не решена, но поставлена, там есть общество христианской медитации, где был один случай, когда пригласили Далай Ламу комментировать Евангелие. И потом с ним на эту тему беседовали. Это не решенные проблемы, просто я исхожу из мысли, высказанной Марксом, что если проблема отчетливо осознается, значит средства для ее решения или готовы или во всяком случае находятся на стадии создания. Т.е. если человеческий ум направлен в известном направлении, то можно ожидать, что чего-то здесь можно достичь. Без поворота здесь трудно ожидать изменения политики «золотого миллиарда», который стал величайшим разрушителем биосферы.

Начало XX в. было полно веры в прогресс, казалось, что чем больше науки, техники, тем будет лучше, а сейчас господствует противоположное направление, страх перед наукой, перед техногенным миром, тяготение к

нетронутой природе. Этот страх зарождался еще у декадентов, но идеализация бунта стихий тоже завела в тупик. Хаос – не выход из рационалистической клетки, хаос сам себя истребляет.

И то, что произошло, пожалуй, за эти сто лет, можно назвать упором на различие духов. Это открытие, совершённое среди упадка. Мы, сравнительно с серебряным веком, в религиозном и политическом отношении находимся в полосе упадка, но отчетливее различаются светлое и темное. Для Блока они еще в одном пучке, поэтому он мог воспеть – лишь бы взрыв энергии, разрушение пошлости, двенадцать убийц – и видеть во главе их Христа. Процесс различения духов начинается, по-моему, где-то у Волошина, продолжается у Даниила Андреева, выступает очень интересно у Василия Гроссмана, в различии сердечного добра от идеи добра. Гроссман подчеркивает, что величайшие преступления совершались во имя идеи добра.

Различение идеи добра и того добра, которое коренится в сердце, это одно из тонких различий, которое, пожалуй, раньше не делалось. Можно сказать, что на очень жестоком опыте сделан некоторый небольшой шаг в различении света и тьмы. Накопление тьмы от этого не остановилось. Сейчас снова очень опасное время. Впереди мелькает ряд ситуаций, при которых соблазн ничем неограниченного насилия, как быстрого решения всех вопросов, очень может снова возникнуть. И то, что сейчас многие возвращаются к идеям какого-то немного подчищенного Сталина, это не просто тупость человеческая, не просто политика, не просто беспомощность людей, которые не знают, как выйти из положения, а это очень грозный симптом каких-то новых будущих потрясений. Какие силы победят – дело темное.

Любин. Если вернуться к нашей теме – современная миграция и ее влияние на жизнь в Европе. О мультикультурализме, вы мало сказали, совсем немножко. Я перечислю вопросы, которые стоят перед авторами сборника. Отразить современную международную миграцию и ее перспективы. Массовая миграция вызывает отторжение иммигрантов в таких странах, как Австрия, Дания, Франция, Швейцария, вы видите это по результатам голосования на выборах. Резкое отторжение лавины иммиграции, которая накатилась на Европу. Без

политики мы не обойдемся; к кому обращаются граждане этих стран, прежде всего – к политикам: сделайте что-нибудь, защитите нас от этих чужаков, непонятно, кто кого уже ассимилирует в Европе.

Кондратьева. Европа имеет исторический опыт, ну пусть 200-летний, формирования национального государства, и европейские страны были относительно однородными на протяжении XIX–XX столетий. Сейчас они, в связи лавиной иммигрантов, становятся разнородными, они не имеют опыта мирного сосуществования, когда приходится жить бок о бок с чуждой им культурой, с чуждыми им конфессиями. Этого исторического опыта ведь не наработано. И сейчас в связи с отсутствием этого опыта происходят постоянные столкновения. Как мне представляется, может я не права, дальше они будут усиливаться. Как вы видите возможность такого контакта, если можно так сказать, на бытовом уровне, этого мирного сосуществования разных культур?

Новоженова. В дополнение к этому же вопросу. Вы говорили, что может быть мирный диалог между прибывшими культурами и коренной культурой. Но прибывают в основном чернорабочие, пока они выработают этот интеллектуальный слой, который будет готов вести мирный диалог, за это время будут происходить в конфликты. Успеет ли начаться этот диалог, или все распадется раньше?

Померанц. Многое зависит от конкретных условий в отдельных странах, и я больше знаю о том, что делается в Норвегии. Норвегия вообще очень этнически пестрая страна: в каждой долине свой говор. Если говорить не о литературном языке, который вообще датский, почти датский, с другим произношением, но датский язык, то там до сих пор не ясно, сохранять ли этот язык, на котором народ, так сказать, не разговаривает, или сохранять это различие в долинах. Там очень поддерживается народная культура каждой долины.

И принято решение рассматривать небольшое сравнительно мусульманское меньшинство, которое сложилось в стране, как еще одну норвежскую общину. Я беседовал с очень симпатичным молодым человеком, лидером этой мусульманской общины, джихад он рассматривал как борьбу с

собственными пороками и т.д. Вот эта мусульманская община принята как еще одна долина. Допустим, в Норвегии 20 долин, будет 21 долина. Во время национального дня независимости, какая-то дама–пакистанка была руководительницей демонстрации. Кое-кому не понравилось, но большинство приняло это без сопротивления. Это характерно норвежское, у них такая фрагментация по долинам не придумана, она была, и уже была готовая форма, в которую можно вписать еще одну долину.

И очень решительно идет борьба с ксенофобией, когда дело доходит до рукоприкладства, до убийства. Каждый такой случай неизбежно становится национальным скандалом и очень решительно осуждается, обсуждается. При напряженном внимании прессы к таким явлениям у меня есть надежда, что в Норвегии еще долго будет спокойно. И пока это очень спокойная страна. Было одно убийство, но сколько у нас таких убийств. Мы как-то почти не обращаем на них внимание. Там страшно напряженное внимание. Вы знаете, что в Швеции не было нацистской оккупации, не было отторжения нацизма, и в Швеции есть нацизм. А в Дании и Норвегии нацизма нет. Ксенофобия, в большей или меньшей мере, есть, но нацизма нет. Почему у нас есть и то и другое? Казалось бы, мы столько пострадали от нацизма, и все-таки есть нацизм. Впрочем, оставим Россию в стороне, будем говорить о Западе.

То, что я видел в Норвегии, позволяет с известным оптимизмом относиться к способности некоторых стран Запада спускать на тормозах напряженность, вызванную массовой иммиграцией, но вряд ли это легко пройдет всюду. Очень многое зависит от численности и от характера иммиграции. Во Франции французы попались в ловушку, которую сами построили, они наследники Великой французской революции с ее великим рационализмом, они исходят из концепции единой нации, способной ассимилировать любого пришельца. Норвежский пример им не подходит.

Кондратьева. Это государственная политика Норвегии, там мало иммигрантов, специфика страны как бы сформировалась.

Померанц. Малое число иммигрантов? Но количество иммигрантов все-таки порядка численности жителей столицы. Там в столице 450 тыс., а вообще

там 4,5 млн. жителей. 450 тыс. на 4,5 млн. – это 10%. Таксист обязательно коричневый. Продает овощи какой-нибудь коричневый. Но арабов я не замечал, их там не видно, им может быть холодно, они скорее на юге. И дело идет мирно. Во Франции же конфликтную ситуацию создают два обстоятельства. Во-первых, прямолинейная рациональность конституции. Всякая логически последовательно развитая мысль, не уравновешенная противоположной идеей, приводит к абсурду. Французы со своей логичностью сами себя загнали в угол, наткнулись на то, что люди не совсем равны, не совсем одинаково способны ужиться. Это одна сторона дела, а вторая сторона дела в том, что они получили наиболее воинственную иммиграцию – арабскую. Сейчас арабы находятся в особом состоянии, это нельзя полностью понять как их этническую особенность, но это их состояние, может быть на десятки лет. Даже в Комиссиях ООН для Ближнего Востока арабы ни с кем не смогли ужиться. Не ужились с ними ни персы, они включились в Юго-Восточную Азию, ни турки, они за клочок земли схватились и включились в Европу, израильтяне тоже включились в Европу. Ближний Восток оказался чисто арабским, т.е. с ними ужиться невозможно. Даже друг с другом им трудно ужиться. Непрерывно одна арабская страна грызется с другой арабской страной.

Кондратьева. Вы чем это объясняете?

Померанц. Я думал об этом, и у меня есть небольшая статья «Через эпохи безумия», я пытался там описать период 30-х годов в нашей стране и в Германии как эпоху массового безумия: русское безумие, немецкое безумие, сталкивались два патологических вождя – Гитлер и Сталин – ненормальны оба. Потом приходят к власти люди, может быть глупые, но нормальные и сразу меняется климат. У каждого безумия были свои конкретные причины. У немцев, например, Версаль. У арабов – воспоминания о халифате, а в жизни – ряд поражений в войнах с Израилем, проблема беженцев, искусственно растянутая на полвека. Я читал книгу Фаваза Турки «Дневник палестинского изгнанника», он хорошо описывает психологию вечного изгнанника, который родился изгнанником, живет изгнанником и умрет изгнанником. Сам Турки достаточно вестернизирован, одевается по-европейски, но как-то они с товарищем

раздобыли национальную одежду, и когда они оделись в эти одежды, то испытали наслаждение, близкое к сексуальному. Они потеряли свою identity и эта identity у них связана с идеей халифата. И кроме того для них, конечно, неизлечимой раной стало поражение, ряд поражений, в войне с Израилем.

Вот, например, была авантюра греческая – захватить половину Малой Азии. Греков разгромили. После этого полтора миллиона греков, полтора миллиона – точно подсчитана эта цифра – были выселены как нежелательные иностранцы. Предки этих греков прибыли в Малую Азию на 2,5 тыс. лет раньше, чем турки. Ну и что же, все это проглотили. И они сами это проглотили, как-то расселились. В обмен греки выселили 300 тыс. турок. А навстречу – 1,5 млн. Как в маленькой Греции все разместились? Разместились. Проблемы этой сейчас нет, потому что плетью обуха не перешибешь. А тут все время иллюзия: нас много, нас тьмы, и тьмы, и тьмы, а бьет нас горстка людей, и кто бьет? Те, кому в течение двух тысяч лет можно было плевать в лицо, они отступали, не пытались даже сопротивляться. Человек диаспоры понимает, что сопротивление бессмысленно, и уступает. Всегда он будет один против толпы, один человек против толпы – всегда беспомощен. И вдруг они, собравшись в кучку, разбили арабов. Это непонятно, непостижимо. И это сыграло какую-то роль в болезненности арабского национализма. Если бы арабов били турки, турки всегда их били, били много веков. К этому привыкли. Воинственность арабская отцвела, они смешались с местным населением. Если взять дальний запад – Магриб, то там воинственны были берберы. Берберы дважды завоевывали Испанию, где суровость нравов, близкая к ваххабизму, была потеряна. Берберы дважды восстанавливали свои примитивные варварские нравы. Но это берберы. А у арабов осталась тень прошлого, так что если бы их били не евреи, а кто-нибудь другой, они бы примирились. А так у них, примерно, психология человека, которого баба избивала. Если бы мужик избил, это можно было понять, а то баба избивала. Это невозможно. Трудно выдержать. Позор.

Любин. Может быть в ответе на этот вопрос надо гумилевские теории вспомнить? О пассионарности. Хотя это немного надуманная искусственная научная конструкция, но мне кажется, наука могла бы приложить к этому силы

и проследить, скажем, генетически, может быть через какие-то поколения начинает снова действовать тот самый пассионарный ген – в VII веке арабы и в XX и XXI веке – арабы. Через несколько поколений выпрыгивает этот агрессивный ген, который делает эту культуру наиболее агрессивной. Вы сказали, что французы столкнулись с крупной проблемой, потому что у них иммиграция самая агрессивная.

Новоженова. Гумилев связывал это не с геном, а с каким-то излучением из космоса, которое идет полосой, если сейчас посмотреть, то действительно, «возбужденные» страны располагаются полосой, от арабских стран до нашего Северного Кавказа и дальше до Афганистана.

Померанц. И это может быть. Тут есть ряд факторов, которыми мы не владеем. Во-первых, традиция агрессивности – там, где предки были кочевниками. Откуда возникла воинственность кочевников? Мне это объяснил Оуэн Латтимор. По его концепции, воинственность взялась из весьма будничного обычая скотоводов: на лето, когда было сухо, стада отгоняли в горы, где было похолоднее и пастбища были лучше. Но женщины туда не ехали, туда мальчишки ехали, кочевье было связано с образованием мужских банд. И эти банды, как всякая куча мальчишек, начали драться друг с другом, и отсюда все остальное, до Чингисхана. Латтимор нашел, мне кажется, очень точную социальную причину. Мальчишки, они и в Москве драчливы. Известно, когда разделили школы на мужские и женские, в мужских школах очень трудно было работать. Присутствие девочек оказалось как бы тормозом. Ислам, который страшно уменьшил роль женщины, – тоже фактор, который облегчил развитие мужской агрессивности. Вот у Толстого война тонет в мире, герои женятся, возвращаются к женам, к детям. Причем это целый мир, это не гарем, не закрытая женская половина. Это исключительное, даже для Востока, положение женщины в исламе облегчает пробуждение воинственности. Ряд таких обстоятельств существовали веками, но нужен был толчок, чтобы взорвать положение. Общий толчок. Начался период деколонизации, и все потянулись. Если на то пошло, то первое поражение, по-моему, французам нанесли

вьетнамцы. Здесь мы сталкиваемся с одной очень интересной темой, я отойду немного в сторону.

Если говорить о прошлом, то очень трудно сказать, что собой представляют великие империи древности, были они моно- или поликультурны? Потому что у них была некая, так сказать, «культура-крыша», а под ней спокойно жили этнические различия. И вот вьетнамцы, не вьетнамцы, извините, народ нам, усвоив всю китайскую грамоту, иероглифы, соответствующую психологию, соответствующие обычаи, конфуцианство, – и Конфуция они усвоили – и т.д., тысячу лет пробыв под рукой китайских императоров, восстали, отложились и еще тысячу лет успешно отражали попытки китайцев восстановить свой суверенитет. Не помню, рассказывал я вам, как они красиво это делали, они сперва, примерно как они с американцами и с французами боролись, партизанскими методами, мелкими группами, нападая по ночам... А потом, когда интервенты уходили, Аннам посылал посольство в соответствующую столицу – в Нанкин или в Пекин, с извинениями, что мы, будучи варварами, живя по законам зверей и птиц, нарушили гармонию вселенной, нападая на войско священного императора, приносим свои извинения и посылаем вам дары. По этикету китайского императора, на дары надо ответить еще большими дарами, потому что китайский император богаче и могущественнее народа Нам. Император посылает еще большие дары, и в анналах записывается, что варвары покались. После этого династия, зарубив себе на носу полученный опыт, уже больше не суется. Следующая династия повторяет эту игру. Игра повторялась три раза – монголы полезли, затем чисто китайская династия Мин и маньчжуры, и все утерлись. И свое первое поражение французы, лучше сказать европейцы, потерпели во Вьетнаме. Надо сказать, есть народы и народы. Есть народы, которым пальцы в рот не клади, что нам и показывают чеченцы.

Итак, арабы в Алжире попытались скопировать вьетнамцев, и у них ничего не вышло. Потому что у вьетнамцев были джунгли, а в Алжире джунглей нет. В полевой войне французы разбили арабов наголову. Тогда арабы перешли к террору. Причем это переплелось с террористическим всплеском в самом

западном мире, охватившим весь в широком смысле западный мир, в том числе Японию, в ней тоже была своя Красная армия. Какой-то скрытый духовный кризис западной цивилизации выразился в том, что некие маргинальные группы начали анархически бросать бомбы в кого попало. Европейские маргиналы помогали арабам. И Де Голль встал перед альтернативой: или применять пытки и другие подобные методы, чтобы с этим бороться, или отступить. Можно было ответить на террор террором. Французы пытались сперва. Но тогда Франция потеряла бы свое лицо. И Де Голль поступил мудро, он ушел. Собственно говоря, алжирцы не победили бы, если с ними вести себя, как мы ведем себя в Чечне. Не бомбил же Де Голль городов Алжир, Оран и Константину, как мы бомбили Грозный. Ковровой бомбардировки там не было. Собственно говоря, выигрыш Алжира был спорным. Скорее, победило здесь чувство чести, нежелание потерять свое лицо европейской нации, втягиваясь в азиатские средства борьбы. Хашимитское королевство Иордания очень просто вышло из положения: король захватил семью главаря террористической организации и сообщил ему примерно то, что Шамиль сообщил Хаджи–Мурату, что сыну выколют глаза, а жену и дочь предадут публичному растлению. И Хаджи–Мурат помчался назад, к Шамилю. Это старый восточный обычай. Его применили в Иордании и вопрос о терроре был снят. В Израиле несколько раз подымался вопрос о подобных методах, но избирались другие пути.

Итак, на Ближнем Востоке сплелось несколько факторов: общая обстановка деколонизации, оскорбительные поражения от рук евреев, которых тысячи лет учились презирать. Я читал когда–то воспоминания советского дипломата, он ездил с какими–то поручениями в старый Йемен, к имаму, и запомнил, как проводник–араб погонял своего осла: «Ах ты еврей, сын еврея». И бил его палкой.

При подходе к истории мы можем вычленить отдельные факторы, но решить, какой фактор оказался решающим, не можем. Некоторые народы всегда сохраняют жестокую воинственность, другие временами впадают в агрессивное состояние. Гены такие найдутся всюду. Всех потрясло, как страна Канта, Гёте превратилась в страну Гитлера, Гебельса, Геренга. Мы просто должны честно

констатировать факт, что в напряженной обстановке народы впадают в состояние патологического безумия, – конечно не весь народ – но задают тон воинственные безумцы. Что такое ваххабизм? Это течение, возникшее в варварской части арабского культурного круга, примерно как берберы обрушивались на цветущую мавританскую Испанию. Какую роль здесь сыграл Израиль, я не знаю. Нет таких весов, чтобы взвесить.

Любин. Но если вернуться к теории цивилизаций, которую вы критикуете, все эти хантингтоновские подходы, и взять ценностные основы, религиозные основы, то в Европе после Великой французской революции шла огромными темпами секуляризация, а в арабском мире ее не было, и вообще в исламе. И женщины должны по 15 детей рожать, а в Европе – по одному ребенку в семье. Возникает демографическое давление и неизбежны столкновения. Вы правильно в начале сказали, капиталистический молох работает, капитализму нужны рабочие руки, никуда от этого не деться. Если каждая Эллочка–людоедка мечтает быть Вандербильдихой, то тогда здесь проблема в чем, проблема в просвещении, или в том, что надо как-то останавливать капитализм, но его никогда не остановишь. Он молотит и молотит дальше, и у него нет, действительно, трудовых ресурсов.

Померанц. Остановит катастрофа. Экологическая катастрофа остановит.

Любин. Демографическая уже есть.

Померанц. Я говорил об этом с редактором «Вестника» Виктором Ярошенко, он много об этом думал и решил, что Бог урегулирует вопрос с помощью СПИДА или чего-нибудь еще. Если так, а скорее всего мы не сумеем ничего остановить, то какие-то катастрофы неизбежны. И они могут оказаться тем ударом, который заставит людей отступить, поддержать другую партию, защищать другие принципы хозяйствования. Во всяком случае, пока что в ближайшие годы катастрофа в туманной дали, пока что нужны рабочие руки и ближе всего арабы. Но иммиграцию можно планировать, ввозить рабочих из Индии, из Латинской Америки, из Западного Китая, из Африки южнее Сахары. Таким образом, исламское меньшинство может быть ограничено, уравновешено. Такая политика, как это говорится, «сдержек и противовесов» была бы разумна,

она сохранила бы центральное положение для ядра, которое на ближайшее десятилетие остается единственным носителем достаточно ценной европейской культуры.

Кондратьева. А дальше что, ну на ближайшее десятилетие это, действительно, может быть так, а дальше что? Если попробовать пролонгировать на будущее нынешние условия непрерывно сокращающейся рождаемости, то можно говорить о демографическом коллапсе. Сейчас на Западе совершенно меняется демографическая ситуация и соотношение внутри самой Европы разных рас, религий. Что дальше может ждать белую расу? Как вы в связи с этим оцениваете Бьюкенена, согласны ли вы с ним, что белая раса стоит перед угрозой вымирания, уничтожения? И поскольку она очень подвержена гедонизму, по причинам, о которых мы говорили выше, грозит ли ей вымирание?

Померанц. Грозит. Грозит, если не произойдет духовного сдвига, который во всех отношениях назрел, потому что если говорить о людях более тонко чувствующих, они уже сегодня об этом задумываются. Ко мне приезжал скандинав – Христиан Эгге, я с ним беседовал в начале февраля. У него такая проблема –мы в школе учим людей, говорим о свободе, о достоинстве, об ответственности, и прочее. В то же время естественные науки убеждают его, что человек – это машина, управляемая генами, средой и прочее, а в голове у нас компьютер. Вот как это совместить? Мы два дня беседовали о том, как надо перестраивать школьное образование, чтобы сохранять то детское чувство целостности мира, которое есть у ребенка, целостности и поэтичности мира, не разрушать его вторжением научных моделей, которые нужны, как выразился Толстой, для научных целей, а когда речь идет о жизни души, то Левин чувствует себя человеком в кисейном платье на морозе. Эта задача, во всяком случае, поставлена. И в спокойных странах – Швеции, Норвегии, я думаю, эта задача будет решаться. Я два года тому назад выступил в тамошнем Институте международных отношений с докладом о «паузе созерцания» и только один человек мне возражал. Все остальные очень сочувственно слушали. То есть – в спокойных углах Европы; они далеки от центра, они страшно любят природу,

они связаны с природой, они понимают, что природу надо беречь, что экологическая угроза страшная...

Кондратьева. Поле битвы не там, поле битвы намного южнее.

Померанц. Тут я должен признать, что чем дальше мы заходим в будущее, тем меньше я могу что-то определить. Потому что мы предвидим что-то по линии, которая существует сегодня. Дальше начинается уже вопрос...

Любин. Не просится ли самый простой ответ, который, если взять религии, состоит в том, что на исламский фундаментализм будет ответ католического фундаментализма, православного фундаментализма и т.д. Если христианство и буддизм – две мировые религии тоже будут свой фундаментализм предлагать, что тогда получится?

Померанц. Мне кажется, что диалог пока что между христианством, точнее миром католичества, православные не участвуют, и буддизмом развивается в сторону мира, в сторону глубин созерцания, на которых различие терминов не очень важно. Я своими ушами слышал, как в 1996 году Далай-Ламу спросили, в чем особенности ламаизма? Он ответил: главное – любовь в сердце, а метафизические теории – буддийские и христианские – это дело второстепенное. В устах Далай-Ламы это достаточно много значит. Это глава одной из разновидностей буддизма. Вообще буддизм очень пестр, в нем очень много разных направлений и есть воинствующие направления. В Японии, в частности, есть и такое, это связано с самурайским духом. Буддизм в каждой стране получает свою окраску. Китайский буддизм резко не похож на индийский буддизм. Поэтому говорить о буддизме в целом чрезвычайно трудно. Это не централизованная религия. В Китае буддизм миролюбив, потому что политика – не его дело, там есть другие учения, которые поставляют государственные идеи. А в Японии есть много оттенков буддизма, в том числе воинственные. То что фундаментализм – один из ответов, я с самого начала сказал.

Любин. Т.е. в Европе фундаментализм возможен, и возможны крестовые походы.

Кондратьева. В Европе уже есть католический фундаментализм.

Любин. Пожалуйста, Берлускони и его партия, за нее голосует треть итальянцев. И все-таки какая-никакая идеология у партии должна быть. Один из идеологов партии – бывший священник, который играл заметную роль в христианско-демократической партии, автор многих книг, он, действительно, выступает с позиций фундаментализма, реагируя на те проблемы, которые мы сейчас обсуждаем. Левые его упрекают в том, что он готов развязать крестовые походы. Он не переносит теорию мультикультурализма.

Померанц. А Бьюкенен? Пожалуйста, он тоже хочет вернуть нации строгие границы и женщине – указать ее место в детской.

продолжение интервью 17.03.2004 г.

Померанц. Мы остановились на том, что я рассказал об удачном решении иммиграционного вопроса в Норвегии. Но то, что в Норвегии прошло, это никак не пройдет во Франции. В том то и дело, что Европа – это ряд стран, внутренне связанных, но каждая со своей индивидуальностью. И когда выдвигается какой-то вопрос, касающийся всех, то каждый решает в духе своей индивидуальности, по-своему. А потом опыт показывает, кто попал в тупик, а кто продвигается. И потом позитивный опыт постепенно распространяется на тех, кто сперва попробовали другим путем и из-за этого отстали и т.д. Вот этот европейский плюрализм, он в чем-то был невыгоден, он позволял, например, туркам использовать французские интересы и продолжать наступление на Австрию, но в конечном счете он оказался более плодотворным. И в конце концов Европа вышла на такой уровень мощи, что она расколотила все азиатские империи.

Поэтому я думаю, что и вопрос иммиграции, который мы обсуждаем, будет решаться по-разному. Одним он удастся, другим – нет. В принципе я допускаю позитивное решение. И помимо всех принципов, передо мной пример Малайи, где сперва были страшные стычки между малайцами и китайцами, а кончилось тем, что они мирно поделили сферы влияния и этот компромисс держится до сих пор. Это оптимистический сценарий.

Возможны и другие компромиссы. Но все может быть совершенно разрушено, если вступят в игру другие силы, другие проблемы, не иммиграции касающиеся, совсем другие. Например, если на то пошло, плюрализм был

свойственен античной Греции, и античная Греция доказала, что он в чем-то лучше, чем азиатская монархия, когда разбила персидскую армию под Марафоном. Потом, когда события стали двигаться к большой игре за раздел Средиземноморья, опять вылезла необходимость империи. И тогда сами успехи Римской республики, тоже республики, привели к тому, что республика стала империей. И вся Европа стала империей. Хотя Европа, по идее – это неимперская сфера развития, в противоположность азиатским империям – персидской, китайской, каким угодно. На каком-то переломе истории принцип империи распространился на Европу. Европа, отбившись от персов, вынуждена была отказаться от того, что, казалось, было ее сущностью, и учредить азиатский, имперский порядок.

Потом начался хаос, из хаоса опять вырос плюрализм. Каким образом это делается, до конца мне трудно объяснить. Может, Богу интересно было поставить эксперимент свободы. И опять европейский плюрализм доказал свои преимущества. Сейчас, благодаря тому, что европейский, западный глобализм, распространившись на весь мир, вызвал проблему мирового правительства, которую, вероятно, по старым западным традициям решить нельзя, весьма вероятно, что Европа будет вынуждена ограничивать и ограничивать свой плюрализм и эти преимущества на какие-то сотни лет потеряются.

Мне легче говорить о процессах, занимающих сотни лет, потому что там легче выясняется какая-то большая логика истории. Чем больше мы спускаемся, скажем, к решениям президента Трумена или Никиты Хрущева, тем больше неожиданностей, происходят какие-то странные вещи, и никто ничего не понимает. Например, государство Израиль возникло потому, что у Трумена был приятель – еврей, который его уговорил признать самопровозглашенное государство. А Сталин решил, что если они признали де факто, то мы признаем де юре.

Кондратьева. Субъективный фактор играет в истории колоссальную роль.

Померанц. Колоссальную, но не всегда. В моменты бифуркации, как это называют, личные решения сразу определяют порядок на десятки и даже на сотни лет.

Кондратьева. Наверное, иначе и не может быть, потому что в момент бифуркации должно быть принято моментальное, мгновенное решение одним человеком, сильной личностью, иначе движение пойдет совершенно не в том направлении. Но может быть и гибельное решение.

Померанц. Совершенно верно. Мы на краешке сидим и всё зависит от какого-то правильного или неправильного решения. Оптимистический сценарий, основанный на преимуществах плюрализма, позволяет думать, что в принципе проблема иммиграции решаема, но это не значит, что она будет решена – и что она, сплетшись с другими проблемами, не приведет к развитию по экспоненте, и это развитие по экспоненте вообще опрокинет все.

Кондратьева. Можно я задам вам вопрос в свете того, что вы сказали? Меня всегда интересовало, почему сейчас в мировой политике нет ни одной яркой личности; есть ли здесь закономерности? Появляется ли личность только в моменты, которые представляются крайне важными для поворота истории в ту или иную сторону, т.е. в момент бифуркации, – это мои представления, они могут совершенно неправильными – а в период, когда относительно спокойно в мире, в стране серость торжествует, тогда могут управлять технократы, т.е. личности абсолютно серые, не яркие, не индивидуализированные. А в момент бифуркации появление сильной яркой личности обязательно, или нет?

Померанц. Я бы попросил осторожней это выразить. Момент бифуркации благоприятен для того, чтобы сильная личность, пойдя на риск, выскочила, как Наполеон Бонапарт. Она может выскочить из полной неизвестности. Всегда есть люди, обладающие силой воли, умом и т.д.

Но когда действуют гигантские силы инерции... Политика является скучным делом и порядочные люди вообще ею брезгуют, политику делает серая посредственность, которая видит-то на два шага вперед, а то и вообще на полшага вперед, это тактики, ловкачи, которые умеют выиграть 10 копеек, теряя, может быть, при этом 100 рублей и т.д.

Но бывают такие минуты, когда выдвигаются «пассионарии», харизматики. Например, начало XX века – время, когда ошеломленная Европа после совершенно неожиданной гигантской мировой войны, – которой, как

многие сейчас пытаются сказать, могло бы и не быть, если бы несколько случайностей иначе сложились, – вдруг обрушившейся на нее как кара божья, чума. Все лежит в развалинах, все понятия опрокинуты, и тут человек с большой решимостью, порой не очень умный, скорее хитрый, иногда подхватывает чужие идеи, как Иосиф Виссарионович Сталин, у которого своих идей не было. Он свои идеи заимствовал из перевода Макиавелли, который сделал Каменев. Беспардонная иногда личность, лезущая напролом, попирая все законы морали и прочее, получает возможность выдвинуться. Если бы не было таких событий, то, вероятно, Ленин остался бы мелким сектантом, а что касается Сталина, то он был бы уголовником, до политики бы не дорос.

Любин. Это все политические «мигранты», а я предлагаю вернуться к иммиграции.

Кондратьева. Сейчас, когда мир стоит на грани, может быть уже идет третья мировая война, я думаю, что она уже идет, но в таких непривычных для нас формах, что мы не квалифицируем ее как войну. Может быть, терроризм и есть третья мировая война в такой своеобразной форме. Вот сейчас, с вашей точки зрения, условия для появления такой сильной личности еще не созданы? Ведь мир стоит на грани катастрофы.

Померанц. Может быть, они готовятся, но, по-видимому, этот момент еще не наступил. Во всяком случае, я сейчас стал вспоминать пророчества Нострадамуса, который, примерно на начало XXI века обещал большую войну с исламом. Ну, я думал, ляпнул старик. А теперь вижу, что он что-то смутно увидел. С каждым новым успехом глобального терроризма, растет вероятность, что это – ну не война в таком классическом смысле, с развернутыми знаменами, но что-то начинает походить на это. Нострадамус, когда предсказывал, что будут летать железные стрекозы, он не описывал Боинг, потому что он его не видел; но эта метафора железных стрекоз в XX в. разъяснилась. И эта война с исламом. Да, вроде бы так. Конечно не серьезный для науки источник – Нострадамус, но он многое угадывал. И, по-видимому, надвигается какая-то крупная встряска. И это предчувствовали многие люди, чувствующие веяния будущего. Антоний Сурожский говорил, что надвигающееся время – это

тяжелое время. А Далай–Лама очень четко сформулировал, что люди при переходе в XX век растерялись, они ведь ничего этого не ожидали, и сейчас мы переходим к новому веку, который будет таким же неожиданным для нас, как XX век для людей до 1914 года. Очень важно быть внутренне готовым встретить совершенно неизвестные вызовы и быть готовым дать духовно правильные ответы.

Кондратьева. Я отвлекусь от темы нашей иммиграции, но меня интересует вопрос, не прослеживается ли вы определенной закономерности, что в начале каждого века с некоторым лагом в 12 –15 лет, происходят какие–то крайне важные исторические события, которые меняют ход истории. На протяжении последних нескольких столетий это, по крайней мере, так, но это не значит, что это историческая закономерность. Не размышляли ли вы на эту тему?

Померанц. Это иногда получается: начало XIX века, т.е. не очень точно – с 1789 года, и дальше, примерно это получается, но вот начало XVII века, чем оно замечательно, я не знаю. Я не вижу такого яркого события в начале XVII века, хотя с точки зрения духовной истории Европы XVII век был переходом к четкому выбору после эпохи Возрождения, когда можно было и так, и сяк, и этак; перелом был, но не связанный с каким–то ярким политическим событием. В духовной истории – да, XVII век – это для меня определенная категория, XVII век – это сочетание контрреформации с рационализмом, вот такое переплетение, как классицизм в барокко и барокко в классицизме. Мы пытались их ставить одно после другого, а получалось, что они сплелись. Это переплетение мистических и рационалистических мотивов, как у Паскаля, складывается где–то к эпохе Ришелье. Не точно в начале века. Приблизительно.

Кондратьева. Григорий Соломонович, мы потом возьмем у вас огромное интервью на тему цивилизации, потому что оторваться от этого невозможно.

Померанц. А теперь давайте вопросы по делу.

Любин. Со времени нашей первой беседы прошла одна неделя и произошли важные события – еще один шаг в войне ислама со всем остальным человечеством, прежде всего с христианскими странами Европы. Я имею в виду

взрывы в Испании, которые произошли 11 марта 2004 года и дальнейший шлейф, дальнейшая реакция мирового сообщества на это событие.

Новоженова. Вы говорили о Нострадамусе и о предсказании войны с исламом. Сейчас иммиграция из тех самых арабских стран пришла в Европу. Я могу привести такой пример: в начале XX века в столице Голландии местными органами власти официально был зарегистрирован один мусульманин; сейчас провели опрос, по которому оказалось, что 59% жителей страны признали себя полными атеистами, а из верующих большинство составляют мусульмане (это иммигранты), и дальше идут европейские христианские конфессии и иудеи. Мусульмане живут компактно, будучи верующими, они имеют внутренний духовный стержень. В связи с этим нельзя ли их воспринимать как «пятую колонну», которая завоевывает Европу мирным способом, но вполне эффективно.

Любин. Нельзя забывать, что главной колонией Голландии была Индонезия, и многие мусульмане, вероятно, прибыли оттуда.

Новоженова. Неважно, они привезли в Европу свою религию.

Померанц. Уточнение Валерия Петровича существенно, потому что арабский ислам – это ислам в особом состоянии. Причем состояние здесь настолько важно, что, с моей точки зрения, близость между фашизмом, коммунизмом и известной формой ислама важнее, чем их, безусловно, бросающееся в глаза различие. Это существенное дополнение. Но я склонен ответить, «отчасти», как в одной из пьес Шекспира, герой на всё отвечает «отчасти». Дело в том, что есть еще одна «пятая колонна», я только что прочитал книгу Бьюкенена, где он подчеркивает роль другой «пятой колонны» – марксистской. После того как прямой натиск марксизма в форме революции и прочее потерпел поражение, марксисты нацелились на сдвиг в области культуры, на захват левой интеллигенцией господства в теории. Эти сдвиги привели к тому, что, по определению Бьюкенена, выиграв холодную войну, американцы оказались на грани катастрофы. Сдвиги в области идей, безусловно, значимы. Но нельзя упадок рождаемости вывести из действия той или иной

группы. Лукач и Грамши – способные люди, но это не такие фигуры, которые могут создать новую цивилизацию.

Любин. Новую религию.

Померанц. Новую антирелигию. Идет ряд процессов, в которых, вероятно, один из самых важных – потеря религиозного позвоночника культуры, религиозного опорного пункта культуры. Все великие цивилизации связаны с какой-то формой духовной жизни, имеющей свою символику и так далее. Иногда это не совсем религия, я думаю конфуцианство – не совсем религия. Но есть в этом господствующем направлении дальневосточных стран, которое их всех связывает, нечто, разрушить которое – значило бы до основания разрушить эту культуру. Поэтому можно с натяжкой говорить о христианском мире, о христианском Западе и т.д. То, что он перестал быть христианским, то, что он стал постхристианским, сказалось сразу в нескольких направлениях – в том, что ряд ценностей культуры поставлены под вопрос, и хотя Бьюкенен жуткий консерватор, и многие ценности, за которые он держится – липовые ценности, не глубоко они коренятся, но о кризисе ценностей американской культуры еще в 1970 г. писал Роберт Белла, я его внимательно читал, тогда же, в 1972 г... Белла считает, что в Америке была своего рода гражданская религия, там полная свобода вероисповеданий, но есть какая-то общеамериканская гражданская религия, которая основана, на каких-то фактах американской истории. Бьюкенен оплакивает то, что сейчас всего 55% американцев считают Америку лучшей страной в мире. Несколько лет тому назад 99% женщин и 95% мужчин считали, что Америка – это лучшая страна в мире, и это была своего рода гражданская религия. Можно ли считать падение этого кумира действием одной только «пятой колонны»?

Ко мной приезжал Христиан Эгге, с совершенно другим вопросом, который его заботит. На его памяти отменили обязательную молитву. На чем же держится наше представление о свободе человека, о достоинстве и т.д.? Он беседовал с разными биологами. Что такое человек? Это некая машина, запрограммированная генами, никакой ответственности у человека нет, и свободы у человека нет. Это существо, которое играет символами, в этой игре с

символами он достигает некоторой свободы. Это ему одна ученая дама объясняла. Потом он опрашивал людей, которые как-то вышли из круга научного мышления. Он мне принес для начала, чтобы меня увлечь, свою беседу с архиепископом Туту, который верит в то, что души предков – посредники между нами и Богом. И потом беседу с одним очень образованным американцем, который стал буддистом и переводчиком Далай-Ламы; Уоллес объяснял, почему буддизм лучше христианства: потому что у буддизма есть, наряду с элементами веры, элементы строго рационального знания. Тогда как христианство все-таки тяготеет к тому, чтобы верить в логически абсурдные вещи.

Можно судить и так и этак, но, действительно, существует глубокая нестыковка между тем, чему учат на уроках биологии, чему учат, преподавая астрономию, и так далее, и тем, на чем издавна строилось представление о достоинстве человека. Для христианской цивилизации очень важно положение о бессмертии отдельной человеческой души. Это опора достоинства человека. Господь Бог может простить любого самого мерзкого человека, любой грех может быть прощен, достаточно попросить милости в момент смерти, и господь уже от адских мук избавит. Бесконечная ценность человеческой личности очень хорошо была укоренена в христианской традиции. И когда рухнула эта традиция для 59% полностью, а для многих частично, если они ходят в церковь на всякой случай, то значит, очень многое зашаталось и образовался вакуум и в этот вакуум может влезть все, что угодно. Не так уж силен ислам, слаба постхристианская цивилизация, которая предалась многим нравственным ересям. Я, например, где-то читал, что в Англии многие христиане отдают своих детей в мусульманские школы, не для того, чтобы они перешли в ислам, но чтобы их не учили на уровне первого класса, как обращаться с презервативом, это родителям не нравится. А в мусульманской школе этому не учат. Тут не одна «пятая колонна», просто мусульманская «пятая колонна» более заметна, потому что мусульмане немножко иначе выглядят, это бросается в глаза. На самом деле, идет ряд разрушительных процессов, и именно в этих условиях мусульманская и в особенности арабская иммиграция может сыграть большую

роль. Я бы стал, впрочем, строго различать мусульман вообще и мусульман–арабов. Я не уверен, что татарские мусульмане так же захвачены ростом фанатизма.

Кроме того, надо учесть и следующее: мусульмане, переселяясь в европейские страны, сами немножко меняются. Например, я знаю, что армяне ереванские относились к армянам бакинским почти как к чужим людям, их называли «турки», потому что они сто лет прожили вне армянского окружения и приобрели какие-то чужие обычаи. Неизбежно возникает форма диалога, о которой мы не всегда думали, диалог между меньшинством, живущим в Европе, и страной, откуда они вышли. Между ними все время есть контакты – семьи, родственники, они не только заносят в Европу свои мусульманские идеи, они одновременно заносят на родину какие-то европейские идеи. Ряд семейных трагедий, когда дочка не хочет подчиняться родителям, потому что она видит воочию своих подруг, как те себя ведут. И тут важен фактор времени – во-первых. И фактор устойчивости европейской цивилизации – во-вторых. Такой контакт, несомненно, должен оказывать влияние в обе стороны. Если европейские женщины не хотят рожать по шесть – восемь детей, то их мусульманские подружки, если они живут рядом, могут тоже понабраться нахальства у своих подруг. Тут очень трудно учесть это сложное взаимодействие.

В общем это не такая уж страшная группа мусульман – 6 млн. мусульман на 40 млн. немусульман. Но в случае развития по экспоненте, при каком-то взрывном процессе (взаимоотношения с природой и прочее) группа мусульман может поддержать, допустим, диктаторский вариант, свойственный мусульманскому мышлению, который не очень укоренен в представлениях о правах человека, о свободе личности и т.д. Мусульманские голоса, если они получают право гражданства, могут оказаться значительной силой. Вот, скажем, в Америке приходится считаться с негритянскими голосами.

Кондратьева. И с мексиканскими – в Калифорнии.

Померанц. И с мексиканскими. А в Израиле..., я недавно побывал в Иерусалиме, почитал тамошние бумаги, которые правые партии подготовили к

конференции, они очень ругают левых, поскольку в погоне за голосами, те дали права гражданства арабам, живущим в Израиле. Сейчас они себе на голову получили 1 млн. 200 тыс. мусульман, граждан, которые будут голосовать, поддерживать левые партии, а может они и непарламентские меры поддержат?

Кондратьева. В Европе происходят те же самые процессы, только они еще в латентной форме, поэтому их мало кто замечает.

Померанц. Бьюкенен говорит, что Израиль – это метафора Европы. Острота положения в Израиле...

Кондратьева. Вы с ним согласны?

Померанц. Да, в известной мере да. Но Израиль – особая страна, она ни к чему не сводится. Другое дело – Бьюкенен, ему плевать на все остальное, кроме Америки, ему Израиль важен как метафора, процессы в Израиле ему важны как зримое будущее Америки.

Любин. Мне кажется, что вы сейчас очень интересные мысли высказали, что две наиболее противостоящие друг другу в Европе цивилизации – христианская и мусульманская могут, есть такое словечко, «притираться» друг к другу и это происходит на практике. Я могу на примере Германии сказать. Скажем, проживающие там турки даже особое наименование имеют, словечко, которым их обозначают. И первый пафос был направлен на то, что вот они поработают 10-20 лет, потом вернутся домой с деньгами, заведут там свое дело и вместе с тем, они принесут туда черты другой, европейской, цивилизации. Не есть ли это один из примеров иного выхода, чем обращение к фундаментализму. В Европе, действительно, есть очень сильная тенденция вернуться к фундаментализму, к укреплению религиозных основ. Вы правильно заметили, потеряли люди какую-то остойчивость, секуляризация не дает полноценной замены того, что отнимает. 200 лет в Европе все это происходит, и вот результат этого 200-летнего развития. А какие еще есть выходы? Пересечение этих двух цивилизаций, вхождение людей одной и другой цивилизации в цивилизацию «Другого», понимание другого, может ли быть другой выход?

Кондратьева. Можно я добавлю? Известный американский социолог Валлерстайн, вы наверное его знаете, высказывает весьма оригинальную мысль,

он говорит, что иммиграция приняла сейчас такие масштабы, что все попытки ее регулирования ничего практически не дают, – иммигранты уже внутри западного мира. А глобализация создала такие условия, когда происходит свободное передвижение капиталов, свободное передвижение товаров, производство переносится в слаборазвитые страны, поэтому совершенно неизбежно рабочая сила и людские потоки должны перемещаться. Иначе глобализация пойдет в тупик, она не будет работать. Валлерстайн говорит, что промышленные корпорации, крупнейшие ТНК, которые по существу и правят миром, ведут себя очень своеобразно, они всегда выступают за глобализацию во всех формах, за свободное передвижение капиталов, товаров и т.д., но когда речь заходит о свободном передвижении людских ресурсов, они как бы замолкают, уходят в сторону и всячески препятствуют этому, потому что это не в их интересах. Они переносят производство, особенно грязное, в те страны, которые их совершенно не интересуют, пусть там будет все отравлено и т.д. Валлерстайн говорит, давайте пойдем совершенно по другому пути, давайте откроем все границы, давайте создадим условия для свободного передвижения людских потоков. И он совершенно убежден в том, что это не приведет к хаосу, все вдруг моментально не двинется с насиженного места в другое, потому что человеку свойственно дорожить своей родиной, то есть тем местом, где он родился, и если его к этому экономические условия не вынуждают, то он там останется. Поэтому он считает, что никакой трагедии не будет, но при одном условии, если все страны договорятся, потому что если вдруг одна страна откроет свои границы, а остальные – нет, то ее этот людской поток сметет. Но если они договорятся, тогда все встанет на свои места и миграционные потоки будут течь совершенно естественно; и он видит позитивную сторону этого процесса во взаимном влиянии разных культур; он считает, что когда иммигранты приезжают в другую страну, они, естественно, приносят свою культуру и влияют на то общество, в котором поселяются. Равно как и это общество влияет на них. Он призывает к взаимной притирке. То есть, вроде, такая идиллическая картинка...

Новоженова. Получится ассимилирование культур?

Померанц. Не обязательно.

Кондратьева. Валлерстайн говорит, что тогда будет создана единая, гибридная мировая культура, потому что сейчас, с его точки зрения, уже в каждой стране культура – гибридная. Потому что на протяжении всех веков культуры всех стран Европы испытывали на себе влияние других культур и стали, по существу, гибридными. А в будущем будет мировая гибридная культура.

Любин. Это – одна из самых блестящих утопий современности, которая приведет мир к неминуемому краху, гораздо раньше, чем это происходит без вмешательства теории.

Кондратьева. Об этом знают практики, но теоретически идея блестящая.

Померанц. Это прекрасно при идеальном сценарии, можно придумать такой сценарий, сидя в кабинете, при котором все будет хорошо, все договорятся и одновременно откроют границы, и вместе с границами откроют сердца. Это мне напоминает еврейский анекдот со сватом, который заметил, что есть у богатого еврея кривобокая дочка, и начинает его уговаривать: «я нашел для нее жениха, он и богат и знаменит, но у него есть один недостаток – он христианин». Нет–нет, ни в коем случае. Два часа беседовали, наконец, отец согласился. Сват выходит на крыльцо, вытирает пот со лба: «остается уговорить князя Радзивилла». Общая договоренность – такая же сложная проблема, как уговор князя Радзивилла жениться на кривобокой старой деве. Фундаменталисты, допустим, победят, но не всюду. В одной стране победят сторонники открытых границ, в другой – противники. Общий итог будет подведен через много лет, а пока...

Любин. Княжество Лихтенштейн не откроет границу и ничего не выйдет.

Померанц. И оно останется княжеством Лихтенштейн, а Франция будет мучиться, потому что, как Андреева, «не может поступиться принципами». Помните Андрееву?

Кондратьева. Ну как же, Андрееву помним.

Померанц. Это, во-первых, трудно. Во-вторых, даже если Европа, западный мир весь одновременно – раз и откроет все ворота, далеко не все

бросятся уезжать (Валлерстайн в этом прав). Я знаю многих моих знакомых, которые побывали за границей, посмотрели, бывали в Америке, бывали в Европе и ни в коем случае туда не хотят. Там другой стиль жизни, там даже еда такая, какую они есть не станут – американская. И, в конце концов, для них это важнее, чем права человека, они не собираются там политическую роль играть, они привязаны к здешнему стилю жизни...

Я знаю ряд случаев, когда некоторые иностранцы кайф себе находят, сохраняя свое гражданство, поселяются здесь; если они знают русский язык, они находят, что здесь гораздо более интересное общение. Аверинцев тоже жаловался на то, что в Австрии не принято говорить ни о чем серьезном. Существует, например, очень серьезная проблема католицизма, Австрия – католическая страна, и ни с одним австрийцем нельзя об этом говорить, это можно говорить на круглом столе и т.д. А как мы, на кухне все обсуждать, этого у них нет.

Кондратьева. Это в любой европейской стране, а уж про Америку и говорить нечего.

Померанц. Я знаю голландца, который, познакомившись с моим приятелем, который жил в Харькове, встретил, наконец, человека, с которым можно поговорить, и стал систематически приезжать к нему – поговорить. Потому что, помните, еще у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» – разговоры взрослых только о галстуках и о чем-то еще подобном. Так что, все не бросятся эмигрировать. Не говоря о том, что подняться и уехать, для этого нужны все-таки деньги.

Любин. Земля перевернется, если все в Нью-Йорке сосредоточатся. Она просто меняет орбиту, и все плохо кончится.

Померанц. Нет, все в Нью-Йорк не поедут. Но дело в темпах. Мне приходилось греть руки на костре из раздробленной взрывчатки, она спокойно медленно горела. Медленное развитие – горение, быстрое – взрыв. Достоевский описывает одного из арестантов, которого приговорили к какому-то количеству палок, и исполнитель–офицер был человек, испытывавший наслаждение от всяких выдумок, которыми он разнообразил свое меню. Он говорит: «ну, а

хочешь, пробеги сразу». Тот попробовал побежать, на него палки обрушились градом, он упал и сказал, «нет, давайте, лучше, по закону».

Если представить себе процесс иммиграции растянутым на 100-150 лет, то в результате может получиться вовсе не каша, а различного типа креольские культуры, которые приобретут за это время свое лицо. Есть смешанная культура – бразильская. У нее есть свое лицо, это не каша, это Бразилия. Я не скажу, что это самое лучшее на свете лицо, но это единственное лицо. Поэтому если растянуть процесс перемешивания на 100–150 лет, сложно говорить в цифрах, никто не может сказать сколько потребуется времени, но замедлить его, дать в какой-то степени осмотреться, притереться друг к другу. Даже для того, чтобы близкие люди, уже поженившись, любя друг друга, притерлись, есть такой термин «притирание», нужно время, иногда надо год–два, пока притрутся друг к другу. Это люди одной расы, одной нации, говорящие на одном языке..., чтобы мирно жить в тесном соседстве – надо притереться. Так что если будет время на притирку, в принципе я допускаю оптимистический вариант. Но иммиграция должна сейчас регулироваться. Я не знаю, как. Но, по-видимому, каждая страна, исходя из своих возможностей, из своих потребностей в рабочей силе и т.д., будет искать, – это не мое дело, это их дело, я просто не знаю, – они там будут пробовать по методу «проб и ошибок» и находить какой-то способ регулирования. Америка очень жестко регулирует...

Кондратьева. Америка – да, но то, что касается объединенной Европы, то все ее попытки в течение последних полутора десятилетий выработать единую иммиграционную политику – не удаются. Каждая европейская страна пока что регулирует иммиграцию на национальном уровне, исходя из своих политических особенностей, из своих культурных особенностей, из своих потребностей и т.д. То есть пока что политика носит чисто национальный характер, она совершенно разная, в одних странах иммигранты главным образом ассимилируются. А вот в Германии, например, процесса ассимиляции практически не происходит.

Любин. Ни в каких странах не происходит.

Кондратьева. В некоторых странах – происходит. Что касается европейских стран, то можно выделить три основных типа политики по отношению к иммигрантам. Один тип – это Германия, где иммигрант не получает гражданские права, если у него один из родителей не является немцем. И поэтому там вопрос о каких-то правах национальных меньшинств, о правах иммигрантов – вообще не стоит.

Любин. Это уже юридическое регулирование.

Кондратьева. А юридическое регулирование имеет непосредственное отношение к тем проблемам, о которых мы говорим. Во Франции совершенно иная политика. Любой человек, родившийся на территории Франции, независимо от расы, от национальности, автоматически становится французом.

Новоженова. Даже если ребенок родился от родителей– иностранцев, он автоматически становится французом по достижении 18 лет при условии, что он прожил во Франции не менее 5 лет.

Кондратьева. Великобритания как раз идет по пути создания мультикультурного общества. Это идея, которая сейчас распространена на уровне руководства ЕС, – идея создания европейского мультикультурного общества в рамках Европейского союза. Это идеал, к которому должны стремиться все европейские страны. Но выработать единую политику они не могут, потому что мультикультурное общество – это идеал, которому никто не соответствует. Но если взять ту же Великобританию, которая провозгласила курс на создание мультикультурного общества, там масса проблем с иммигрантами, есть много городов, где иммигранты составляют подавляющую часть населения, там меняется стиль жизни, и коренные жители оттуда разбегаются.

Померанц. Там валяются банановые корки и т.д.

Кондратьева. Сама идея создания мультикультурного общества оказывается тоже не панацея. Европа сейчас стоит перед этим вызовом.

Померанц. Развития без противоречий вообще не бывает. Прежде всего, надо признаться: представить себе, как будет развиваться процесс в разных

страна и в разное время, мы не можем. Но можем всегда ясно сформулировать какие-то отдельные параметры. Мне кажется, что если пройдет оптимистический сценарий и мультикультурализм будет развиваться, со всеми трудностями и проблемами, это не значит, что он приведет, как Валлерстайн говорит, к единому мировому обществу. Я убежден в противном. Сколько ни мудри, Китай останется Китаем, а Индия Индией. Насчет ислама я даже менее уверен, потому что там это держится на законе. А Китай, Индия держатся на такой сложной традиции, настолько все переплетено одно с другим, и настолько глубоко вошло в огромную культуру, которую усваивает, хотя бы кусочками, каждый индеец, каждый китаец, что я думаю, ничего стандартно общего не получится. Не войдут они в единую культуру, они кое-что усвоят от соседей, перестанут быть очень замкнутыми – и все. Синтез может происходить в Европе. Это единственная большая культура – западная, – в которой может сложиться мультикультурализм, синтез, ассимиляция или создание лоскутного одеяла или салатной чаши, как это говорится. Это все только в Европе. Да еще – в промежуточных зонах, на стыках цивилизаций. Допустим, в Японии, но не в Китае.

Я допускаю также возникновение «пятой колонны» в мире ислама. Основано у меня это на рассказе Христиана Эгге, он во многих странах побывал. У него есть египетский приятель, который вел там кампанию против искусственных удобрений. И он создал там хозяйство, свое производство, в котором искусственные удобрения не применяются. Причем он хорошо усваивает европейский опыт, настроен в целом прозападно, готов учиться у Запада. В частности, ему удалось добиться запрета ряда пестицидов, на его предприятии была более высокая заработная плата и т.д. В общем, внимательно изучив западный опыт, он в условиях Египта кое-что применил. Причем это доходно, это хорошо работает. Он, безусловно, сторонник учебы у Запада, но – «предоставьте нам при этом оставаться самими собой». Приблизительно вот такая точка зрения. Вот такая полувестернизация находит среди образованных кругов в странах ислама своих протагонистов. То, что делается некоторыми организациями – устраиваются курсы, стипендии и т.д. – это конечно палка о

двух концах, кое-кто из студентов, которые не доучатся, станут террористами, типичный террорист – это недоучившийся студент. Те, которые выучатся и которые будут увлечены своим профессиональным делом, начинают думать, что из этого может быть внедрено.

Социология развития сейчас считает, что вестернизация без выслушивания возражений противников модернизации приводит к катастрофе. Всегда надо учитывать не только то, что хорошо бы посадить на почве, но и то, что может вырасти на этой почве. Нельзя полностью усвоить научное мышление и сохранить мусульманский фанатизм, тоже нестыковка получается, подход к святыням или рушится, или становится более мягким, символическим. Словом, контакт сейчас идет так, что процесс ориентализации Европы пошел в темпах, которые начинает превышать темпы вестернизации Востока, но процесс – двусторонний. Когда я работал в ИНИОН-е в секторе стран Азии и Африки, я сидел на материалах о том, как идет вестернизация, сейчас происходит встречная ориентализация.

Кондратьева. К чему она может привести Европу, в чем вы видите опасность?

Померанц. Опасность не в том, что при сохранении всех прочих параметров, появится некоторое количество мусульман, это не самое страшное. Опасность в том, что эта группа, достаточно динамичная, может принять участие в каких-то взрывных процессах, предупредить которые мы не можем, просто потому, что мы не знаем, что там будет. В статье «Развитие по экспоненте» в «Энциклопедии глобализации», приводится пример, что когда начались авиационные перелеты, то завезли в Бразилию африканского комара, в результате – несколько миллионов человек умерло. Так что мы не знаем, откуда что пойдет. И вот в этих взрывных процессах этнические меньшинства могут приобрести очень важное, может быть даже решающее значение. А тенденция к тому, что в условиях нарастающей экологической напряженности Европа будет вынуждена отказаться от некоторых своих вольностей, это мне кажется реально.

Кондратьева. О каких вольностях в данном контексте вы говорите? Речь идет об основополагающих принципах демократического общества?

Померанц. Я думаю, это начинается с экономического либерализма, потому что Римский клуб уже предложил ограничить производство.

Кондратьева. Предложить—то он предложил, прошло с тех пор несколько десятилетий, движения никакого нет.

Померанц. Не получилось. Пока не будет катастрофы, гром не грянет — мужик не перекрестится. В условиях, когда разразятся экологические катастрофы, ограничивать производство будет нужно.

Кондратьева. Производство переносится в третьи страны.

Померанц. Но мир взаимосвязан, вот, скажем, мировой океан, атмосфера в целом, потепление, которое вызывает таяние льдов. Ряд сценариев разработан учеными.

Любин. Вы имеете в виду экологические катастрофы, а политические и социальные происходят уже сейчас. Надо вернуться к этому.

Померанц. В условиях нарастающей напряженности, и политическая сфера окажется другой. Когда эти политические тревоги идут на фоне очень высокого благосостояния, то можно чем-то поделиться, подкормить эту иммиграцию.

Кондратьева. На время, но это не выход.

Померанц. Да, на время есть транквилизаторы. Но при изменении структуры населения, это я прочитал у Бьюкенена, старики будут составлять половину населения, и некому будет их кормить.

Кондратьева. Европа столкнулась вплотную с этой проблемой.

Любин. И мы сталкиваемся.

Померанц. И мы уже сталкиваемся. У нас завели пенсии с 60 лет, а женщин с 55-ти, но получается, что платить—то нечем. Пытались утереть нос капиталистам...

Любин. По крайней мере, некоторые постсоветские республики, я имею в виду Прибалтику, вернулись к 65-ти годам, как в Европе.

Новоженова. У них продолжительность жизни другая, я имею в виду Европу.

Любин. Была такая же. Во всей Восточной Европе.

Померанц. Я вижу именно в арабо-мусульманской иммиграции бомбу замедленного действия. И надо относиться серьезно и думать, как ее уравновесить, за счет каких-то других групп иммиграции, эту мысль я уже высказывал.

Кондратьева. Оказывается, что это очень сложно, потому что разные политические силы с разными интересами вступают в противоборство друг с другом, не получается в результате того, к чему стремятся.

Померанц. Я не могу войти в конкретные проблемы политической расстановки сил во Франции или в Англии или в Германии. Просто потому что я недостаточно знаю, знать надо не приблизительно, а в этом надо вариться. Я буду говорить только о том, что я, кажется, понимаю. Думаю, что один из компонентов мы все время упускаем из виду. А я убежден, что с точки зрения дальнего прицела нам с этим придется считаться. Нельзя бесконечно расширять техногенный мир. Сейчас он настолько разросся, что мы, выезжая в Подмоскovie, видим, что он физически душит природу. В Германии начались наводнения из-за того, что воде некуда утекать, потому что всюду асфальт. Асфальт снимают, заменяют брусчаткой, чтобы были дырки, куда вода может утечь. Все-таки с этими проблемами человечество не сталкивалось, воде было куда стечь, были лесочки, были поля и т.д. Мой друг, который был в Японии, видел на крыше корову: плоская крыша, на крыше стоит корова, там ее откармливают, молочко она дает, она всю жизнь живет на крыше.

Любин. Тем не менее, мир не стоит перед угрозой японизации. А вот европеизация...

Померанц. Япония сама европеизированная страна. Но эта европеизация там сочетается с некоторыми национальными традициями. Она оказалась успешнее, чем в России.

Любин. Вы говорили о норвежце, а я на днях разговаривал с одним 40-летним человеком, нашим, который побывал почти сразу вначале в Японии, а потом в Бразилии. Из его рассказов возникает картина цивилизаций. В Японии, например, час или два готовятся к чайной церемонии, ему рассказывали, как себя вести, так и так. Вот эта устойчивость, сохраняется. А в Бразилии он

попадал в разные переплеты, Там губернатор может быть черным, жена у него белая, и никто никаких комплексов по этому поводу не испытывает. Я думаю, что Латинская Америка – это вообще периферийная часть европейской цивилизации. Почему мы все время на Европу-то смотрим? Вот бразилизация – тоже неплохой был бы пример, вместо этого мультикультурализма, который, насколько мне известно, предложили немецкие консерваторы, один деятель из партии ХДС, это было в конце 80-х годов. В Германии, как раз эта теория никак не работает. Англичане взялись, но не уверен, что сработает в английском обществе.

Кондратьева. Создание мультикультурного общества провозглашено как цель иммиграционной политики в Голландии и Великобритании.

Любин. Мы говорили, что каждая страна решает это по-своему в одиночку. На уровне европейского сообщества есть большое желание выработать общую политику, общие правила. Мне кажется, что Григорий Соломонович совершенно прав, что в подоснове лежат столкновения этих цивилизационных подходов. Не цивилизаций, а просто подходов, воспитания, и действительно, этот арабский компонент – наиболее агрессивен, и он же создает проблемы. Но с другой стороны Европа не готова сказать, «арабы, go home!». Не скажет, всё, уже обратного движения нет. Остается только один из выходов, о котором мы уже говорили, это переплетение цивилизаций на европейской земле и обратное воздействие на страны, откуда прибыли иммигранты. И вот в связи с нашим разговором, было бы интересно обратиться к примеру Бразилии и посмотреть, почему там так происходит, и почему там нет коллизий. Может быть, они есть, и мы о них просто не знаем.

Померанц. Но если взять Умберто Эко, который первый разъяснил мне, что происходит, он очень свободно обо всем этом написал, он говорит: два варианта – лоскутное одеяло, типа Нью-Йорк, ну это и есть мультикультурализм, он назвал это лоскутным одеялом. Бразилия – это пример креолизации, которая происходила постепенно – не в три часа, и не в две пятилетки. Это было веками. Там не было «колор бар», там смешивалось

европейское население с мулатами, метисами, индейцами и с кем угодно. И ничего в этом не было страшного.

Любин. Ничего страшного, потому что это все растет на общем фундаменте – католической религии. Так или иначе, католицизм сидит в основе этой цивилизации.

Померанц. Решающая проблема – то, что Европа потеряла свою веру, ну не потеряла, наполовину потеряла. Об этом и Антоний Сурожский говорил. Он рассказывал о своих встречах с епископами, священниками, которые, как правило, по крайней мере, теологи, не верят; церкви пустуют. Знакомый голландец говорил, что из всех голландских теологов только один верует в Бога, остальные занимаются этим, как интересным явлением культуры. Вот такая символическая игра. Так что если произойдет какое-то возрождение христианства, которое возможно...

Кондратьева. Каким образом?

Померанц. Наш Антоний, например, описывает, как, но для этого нужно некое вдохновение. Он говорил, что нам нужны люди, испытавшие Встречу, люди, встретившие Бога, но живущие и мыслящие свободно. И он настолько сильно расширил сферу свободы, что, затронул и вселенские соборы, сочувственно цитировал Флоровского: трагедия началась со Вселенских соборов, они напрасно жестко сформулировали то, чему надо было оставить свободу, например, оставить за человеком личный выбор относительно того, как он понимает Христа, лишь бы любил. А сколько было преследований ересей по совершенно формальным моментам.

Так что путь подсказан, нужно только время, и это происходит потихоньку, в творческом меньшинстве складывается способность переходить со стремительного решения быстро возникающих вопросов, связанных с экономическими и социальными процессами, на внимание к медленным процессам культуры. Я назвал это «паузой созерцания». Надо внедрить «паузу созерцания». У меня хватило дерзости выступить с этим в Осло, в их Институте, по-нашему говоря, международных отношений. Я знал их проамериканскую ориентацию, но только один человек выступал против меня. Я говорил, что без

«паузы созерцания» мы не можем охватить то, что происходит в целом. Они начали говорить, что да, у нас есть такие движения, но эти движения имеют чисто медицинский характер, не связанный с изменением мирозерцания, просто им надо отдохнуть. С медицинской точки зрения – много таких попыток. Западные люди очень заботятся о своем здоровье. Речь идет о том, чтобы возродить культуру созерцания, только на этой почве могут быть заново сформулированы символы веры, потому что они были сформулированы две тысячи лет тому назад и находятся в решительном противоречии с современным мышлением. Они были вполне на уровне мышления того времени: плоская земля, хрустальные сферы, неподвижные звезды – все в это верили, потому что другой конструкции никто не придумал. В этом мире неподвижности был господь Бог, все было на месте в I веке, а сохранять это в XXI веке уже невозможно.

Значит надо формулировать это заново, но формулировать должен человек, который чувствует некий Дух Божий. А Дух Божий рождается в тишине и созерцании. Значит реформа, которая нужна, это реформа всего стиля жизни. И это связано и с экономическими проблемами, потому что перейти к равновесию с природой можно только тогда, когда нашим идеалом перестанет быть нарастающая сфера потребления. Мы сможем войти в равновесие с природой только тогда, когда нашей целью будет движение не по горизонтали, а, как это формулирует Чеслав Милош, по вертикали – вверх к Богу, вверх или вглубь. Тут метафоры совпадают – вверх или вглубь. Хорошо и то и другое, глубоко, а не поверхностно, высокое, а не низкое. В этом случае мы не будем огорчаться, что мы перестаем расти. Я был на даче, там два внука, и помечено черточками, как они растут, старший уже перерос свою бабушку, но это до тех пор, пока они мальчишки. А потом человек не делает себе отметок, он заботится о своем духовном росте. Человечество сейчас в переходе от подросткового стремления расти выше, выше, выше, есть какой-то предел, надо в сфере идеалов произвести переоценку ценностей, и понять, что целью человечества является духовный рост. И в таком случае экономика может строиться в равновесии с природой. А застоя не будет, потому что если человек перестает

физически расти, это не значит, что он находится в состоянии застоя. Человек может духовно расти всю жизнь, мне 86 лет, а я не перестаю об этом заботиться. Конечно, есть люди, которые как только они кончили школу, удовлетворяются пивом.

Любин. К сожалению, большинство человечества.

Померанц. Но если говорить о творческом меньшинстве, имеющем задачей сделать этот решающий поворот...

Кондратьева. Мне кажется, в современном мире оно мало что решает.

Померанц. Оно мало что решает, это творческое меньшинство всегда бессильно до тех пор, пока общество не начинает чувствовать себя в тупике. Современником Нерона был апостол Павел. Нерона все знали, а апостола Павла знали несколько сот человек. А через 200–300 лет положение уже изменилось. Нужно иметь время, быстро это не может совершиться, время, чтобы большинство стучалось лбом о проблемы, – другие, но принципиально такие же, – о которые стучалась Римская империя, чтобы люди захотели создавать внутреннее пространство. И даже символически – ведь христианская церковь открывает путь внутрь пространства, а внутрь античного храма даже не заходили, там только Бог, больше ничего, его только обходят вокруг по периметру, а в церкви главное – внутреннее пространство, сперва на внешний декор даже мало обращалось внимания. Так что такой поворот возможен, если Бог поможет, – прошу прощения, но это обязательное условие. Тогда все эти проблемы пойдут по оптимистическому сценарию, или же цивилизация в Европе будет разваливаться и отступать перед натиском энергичных варваров, в данном случае мусульман.

Кондратьева. Я хотела вас спросить, как вы видите будущее мусульманской цивилизации, в чем вы видите ее преимущество с точки зрения наступательного характера в сравнении с дряхлеющим христианским миром? Мы выяснили, что христианский мир находится в духовном кризисе в силу того, что он становится по существу атеистическим, отошедшим от веры, это не относится к мусульманскому миру.

Любин. Можно я подкорректирую, когда вы нам рассказывали о египтянине, о котором норвежец рассказывал, тоже возникают интересные мысли о том, что в мусульманском мире тоже есть свои сен-симоны и фурье и здесь тоже дело может идти к секуляризации.

Померанц. В известной мере – да.

Любин. И это тоже какой-то выход внутри того притирания. Но требуется время, может быть века.

Кондратьева. А времени ведь нет. В современном обществе риска, по Ульриху Беку, знаменитому немецкому социологу, человеческое общество на каждом шагу сталкивается со смертельными рисками. И времени у общества нет.

Любин. Вопрос о мусульманстве, послушаем ответ Григория Соломоновича.

Померанц. Ну это очень сложный вопрос. Потому что я интересовался всегда суфизмом, и я не могу игнорировать, что существуют не только ваххабиты, примитивные варвары, даже для чеченцев слишком примитивные, чеченцы не любят этих ваххабитов, столько у них нелепых правил, нельзя сразу стакан воды выпить, надо сначала попробовать, годится ли это для питья, потом что-то еще и только с третьего раза можно пить. У них на каждом шагу такие правила. Есть в некоторых субкультурах ислама довольно влиятельный суфизм. Я читал интересную статью про ислам казанских татар, он совершенно другой. В течение большого времени у них и мечетей не было, – пытались ассимилировать. И у них по-домашнему распространялся суфизм. Он не так зависит от обрядов, и какое-то суфийское влияние у них осталось, более мягкое. И особых проблем у нас с казанскими татарами нет, там есть агрессивные течения среди интеллигенции, это сейчас в моде, национализм и прочее, это там есть, но далеко не 100%-ный. Там есть и процессы ассимиляции, там есть и креолизация, такая в сущности татарско-русская, мусульманско-православная смесь. Я все время подчеркивал, что опасность представляет скорее особое состояние арабского мира, может быть это связано с болезненным напряжением возле Израиля. Это не так сильно влияет на других мусульман. Что делать с

фанатиками арабского мира, которые просто убивают тех, прежде всего своих же соплеменников, кто пытается действовать иначе, я ничего не могу сказать. Эти попытки делаются. Когда я был в Израиле, встречался со своими читателями, мне рассказывали: знаете, у нас это делается, мы устраивали конференцию и приезжал один суфийский шейх из Рамаллы, его пока еще не зарезали. Один из суфийских орденов вообще был почти произраильски настроен, сейчас он изменил свою позицию, потому что оказался в угрожаемом положении. Есть силы, которые не подходят под тот облик мусульманина с ножом в зубах, который мелькает в средствах массовой информации.

Любин. Есть ли надежда, что эти силы будут крепнуть, или их уничтожат, как уничтожают чужеродных?

Померанц. Нет, их не уничтожат, их нейтрализуют, они приспособятся, как христиане в Японии приспособились к режиму, который христиан истреблял. Они ушли в подполье и продержались в подполье с XVII века по XIX.

Любин. На развитие процесса секуляризации пока рассчитывать не приходится?

Померанц. В некоторых наиболее продвинутых странах. В Турции – говорить нечего, там тоже есть масса проблем, но там очень сильная секуляризация. В Египте есть серьезные сдвиги. Это сдвиги могут происходить внутри ислама. В исламе средних веков был и рационализм, и терпимость, и фанатизм... Трудность в том, что ислам – не религия не от мира сего, это религиозно окрашенный порядок, и создать порядок, внутренне устойчивый и современный – задача, которая нигде не решена. Отсюда – искушение упростить развитие, уложить в ложе утопии. Искушение, которого не избежала ни Германия, ни Россия, ни Китай. Вероятно, ислам тоже не избежит его. Но у него есть и более глубокие слои и когда-нибудь он к ним вернется. Суфизм – разновидность ислама, увлекающая многих европейцев, потому что предлагает им мистицизм, все-таки связанный с монотеизмом, к которому европейцы привыкли, а не в таких, трудных для европейца, негативных формах, как буддизм.

Что из этого следует? Ничего непосредственного в большой публичной политике из этого не следует. Кроме того, что нужно постоянно искать контакта с теми, пусть незначительными группами, которые там есть и которые открыты к диалогу. Если Израиль – это метафора европейского мира, то в Израиле есть довольно значительная оппозиция нынешнему правительству, которая считает, что надо искать и искать контакты. И хотя придется десятки лет стучаться головой об стену, нельзя прекращать поиски понимания, иначе – война на уничтожение, взаимное уничтожение. Потому что, в конце концов, пойдут в ход атомные бомбы с обеих сторон. Степень ожесточения – страшная. Но мои впечатления от Иерусалима, что есть там люди, которые бьются головой об стену, но пытаются. Ничего, кроме биться головой об стену, в смысле непосредственного результата сегодня не может быть. Но это битье через какие-нибудь 50 лет может дать свои плоды. Я просто исхожу из того, что состояния безумия не длятся веками, они перенапрягают человеческие нервы, и, конечно, трудно сказать, как это будет. Но есть надежда, что ожесточение само по себе начнет смягчаться.

Кондратьева. Я вот о чем хотела спросить. Европа сама была страной, которая поставляла иммигрантов для освоения колоний, для освоения Нового света. Потом началась миграция внутри самой Европы, она осуществлялась непрерывно, особенно после мировых войн начинались потоки из Восточной Европы в Западную и т.д. Проблемы с иммигрантами как таковой тогда не было, потому что это были люди той же расы, той же культуры и того же вероисповедания – либо протестанты, либо католики. Они принадлежали к христианству. Проблемы возникли тогда, когда хлынули в Европу людские потоки из стран третьего мира, другие расы, другие конфессии, другие представления о мире и о жизни. Прежде всего, потоки из мусульманских стран. Как вы считаете, спускаясь на бытовой уровень, какие главные препятствия возникают при попытках установления контактов между коренными жителями и мусульманскими общинами? Мусульмане не ассимилируются. Обладают ли они в принципе способностью к ассимиляции?

Померанц. Обладают.

Кондратьева. Почему они тогда не ассимилируются, а живут отдельными общинами, почти не соприкасаясь с местными коренными жителями?

Померанц. Казалось бы, татары...

Кондратьева. Это специфика России, где сосуществование – мирное, немирное, – но оно было на протяжении веков.

Любин. Казанские татары прекрасно приживаются в Европе.

Кондратьева. Европа не создала такого опыта мирного сосуществования, татары с этим готовым опытом туда едут.

Померанц. Не только казанские татары, я познакомился с одним таджиком в Осло; он сперва бежал из Душанбе в Москву, там он столкнулся с бандитами и поехал дальше на Запад. Он работал шофером, и так как он человек очень смысленый, то познакомился с норвежским журналистом Вогге и с его помощью входит постепенно в норвежскую журналистику.

Любин. Человек иранской культуры.

Кондратьева. В Европу приезжают, как правило, люди необразованные, претендующие на низкооплачиваемую неквалифицированную работу.

Померанц. То, что приехал человек необразованный, не означает, что его дети тоже будут необразованные. Во втором поколении он станет, может быть, доктором наук.

Кондратьева. Далеко не так.

Любин. Социальная мобильность очень низкая.

Кондратьева. Особенно во Франции.

Померанц. Вообще Франция – парадоксальная страна, с одной стороны, права человека, свобода, равенство, братство, а с другой стороны, если человек немножечко не так произносит слово или не знает наизусть Валери, не цитирует Рембо, то это человек второго сорта. Мне говорили, что у французов свой брат – это человек, полностью владеющий французской культурой. Если он родился французом, то черт с ним, с выговором, на юге иначе говорят, чем на севере, но если с трудом ищет слова и неправильно произносит, то его вообще за полноценного человека не считают.

Кондратьева. Какие возможности у представителей мусульманской конфессии ассимилироваться или интегрироваться в такое общество. Что им мешает, какие препятствия к ассимиляции?

Померанц. Я думаю, что если бы Европа перестроилась хотя бы до уровня средневекового суфизма, воспринимавшего мистиков из народов Книги как братьев...

Кондратьева. Т.е. вы считаете, что Европа должна перестраиваться, не иммигранты должны перестраиваться под то общество, которое их приняло, а Европа?

Померанц. Мусульмане не подстроятся ни под атеизм, ни под неосхоластику. Европа сама должна подстроиться под новую ситуацию. И своим знаменем считать не мультикультурализм, а тот вариант веры в Бога, который признаёт своими сестрами, своими братьями другие варианты, т.е. воспринимает их не как врагов, не как еретиков, а как двоюродных братьев или как родных братьев. Вот если Европа достаточно подстроится, чтобы принимать мусульман как своих, потому что они монотеисты, и в конце концов Мохаммед верил в того же Бога...

Кондратьева. У них свои обычаи, свои традиции...

Померанц. Что касается обычаев, то обычаи постепенно, в течение десятков лет меняются. Конечно, вы можете сказать, что евреи жили в рассеянии тысячи лет и сохраняли свои обычаи, но они были строго связаны религиозными законами, и тем, что их нигде не принимали как равных. Стоило уравнивать в правах, и началась ассимиляция с постепенным отходом религиозных различий на задний план.

Кондратьева. А намаз, а мечеть, за тобой следит все сообщество, исполняешь ли ты эти религиозные обряды или нет.

Померанц. Все это может слабеть, допустим, останется обрезание, иногда посещение мечети, знание наизусть нескольких сур корана и т.д., и они уже мусульмане. Не все мусульмане фанатичны. Они могут оставаться мусульманами, но в то же время принимать такую суфийскую формулу, что у нас – единый Бог. Муэдзин зовет с минарета, колокола звенят в церкви, а Бог

один. Это почти формула веры средневековых суфиев. Так что сдвиг в рамках ислама к такому суфийскому пониманию... Вообще в исламе все что угодно намешано. Мухаммед в состоянии экстаза произносил несколько строк, и это записывалось. А в Евангелии разве мало противоречий? Во всяком святом писании есть масса противоречий, там систему выстроить невозможно, потому что откровение приходит отдельными толчками, и все толчки священны. А разбираться в противоречиях, над этим теологи ломают себе голову. Средний человек исходит из того, что ему в быту удобно. Лидер мусульманской общины в Норвегии, очень симпатичный молодой человек, из черной Африки, говорил мне, что джихад – борьба с пороками в своей душе. Есть об этом и в Коране. Можно повернуть и так и этак. И диалог в рамках непосредственно сосуществования со стремлением понять наиболее благородное и близкое нам в Коране, поможет вызвать сближение. Конечно, Ле Пен вызовет обратную реакцию. Все время в обществе возникают противоположные потоки. Мейстер Эккарт говорил, что и Бог преходит, то есть представления о вершинах священного меняются. А суфий Ал Халладж – несколько раньше сказал, что человек, признающий только одну религию, выступает против Бога, потому что Богу зачем-то понадобилось несколько религий. У мусульман есть образцы и примеры, за которые можно браться двумя руками. Я бы сказал, что такого нет даже у христиан, хотя подобное, конечно, есть, например, у Рейсбрука: «второе пришествие происходит в душах святых». Из этого логически можно вывести, что и первое пришествие – не единственное. И удовлетвориться тем, что мусульмане признают святыми и Христа, и Марьям (Марию–деву). Есть почва для сближения контактного ислама и с контактным исламом.

Кондратьева. Для выживания с обеих сторон.

Померанц. Да, с обеих сторон. Фундаментализм здесь идет на драку – только одна истина, наша истина.

Любин. Вопрос Тамары Степановны очень интересен. Я бы хотел уточнить, и может быть это поможет лучше на него ответить. Мы очень концентрируем внимание на арабском компоненте, потому что он очень агрессивный. Если посмотреть в обозримом историческом прошлом, как это

развивалось в последние века, первые мигранты – ирландцы, итальянцы, англичане, французы, вся миграция – в Новый Свет, до первой и второй мировой войны, а после второй мировой войны в Европе пошло свое переселение народов – огромное количество турок, югославы, греков, испанцев поехали в Западную Германию, где надо было поднимать промышленность. Все это спокойно проглатывалось, конфликтов не возникало, более того, когда в Испании появилась другая ситуация, почти все испанцы из Германии уехали. Итальянцы прижились, составляют компонент немецкого населения, но многие по-прежнему продолжают ездить на заработки – югославы огромное количество в Германии, в связи с войнами на бывшей территории Югославии...

Померанц. Наверное особенно хорватов, они католики.

Любин. Хорватов, но не только хорватов, есть и сербы, они были уже в 60-е годы в Германии, и это продолжается. Не только в Германии, но и во всей Европе. Давайте не забудем вот о чем, давайте вспомним события 1989–1991 годов, когда рухнула берлинская стена, когда рухнули все границы и пошли потоки мигрантов. Мы не могли себе представить лет 20 назад, что этот таджик окажется где-то на территории Норвегии. Из многих стран щепки разлетелись в Европу, произошел перегрев, перегрузка и пошла такая вот реакция отторжения. Мы знаем о конфликтах в Западной Европе, и почти ничего не знаем о конфликтах в странах Восточной Европы. Мы знаем о конфликтах в России. И эти процессы везде аналогичны. Не надо забывать о рубеже 1991 года, который придавал совершенно другую динамику этому процессу. Возникла политическая реакция, такая как Ле Пен во Франции. В России националисты были, но они же не получали столько голосов. Мыслимо ли, чтобы Ле Пен вышел с Шираком во второй тур, Франция выбирала между такими разными президентами. Такой же лидер есть в Дании, и т.д.

Новоженова. Я хочу прояснить ситуацию, связанную с Ле Пенем. Не надо думать, что Франция самая ксенофобская страна и что в ней антииммигрантские настроения сильнее, чем в других странах Западной Европы. Просто на президентских выборах 2002 г. сложилась особая ситуация: переход страны к «открытому обществу» и глобальной экономике вызвал ухудшение положения

значительной части населения, вследствие чего на выборах проявилось массовое недовольство французов политикой правительства, но не было оппозиционного лидера, соответствующего потребностям французов, поскольку и правые и социалисты, которые ранее были в оппозиции и меняли друг друга у власти, в тот период вместе руководили страной. Совокупность всех этих обстоятельств и привела к тому, что огромная часть протестных голосов была отдана Ле Пену как «непроходному» кандидату, у которого не было шансов победить. Только за счет протестных голосов он и вышел во второй тур вместе с Шираком. Ле Пен получил около 17% голосов в первом туре выборов и около 18% – во втором.

Любин. В общем Европа пытается как-то обезопасить себя. И это заставило европейских политиков задуматься, что творится с иммиграцией, почему, куда мы дальше идем, кто кого ассимилирует, давайте так поставим вопрос в длительном процессе. Может быть те, кто приехали, вскоре ассимилируют автохтонное население, может надо забыть о европейской цивилизации.

Кондратьева. Об этом предупреждает Бьюкенен, когда говорит о вымирании Запада, и прежде всего, это касается Европы.

Любин. Вопрос стоит остро. И мы своим развалом соцсистемы и Советского Союза этому процессу дали пинка, и очень хорошего пинка, он катится как снежный ком с горы, набирая скорость.

Померанц. Вы совершенно правы, мы здесь столкнулись с переходом во взрыв. Развал Советского Союза привел к переходу процессов от арифметических к геометрическим..., т.е. процесс приобрел взрывной характер. Я слушал вас и думал, 90-е годы – это переход к процессам не просто растущим, а экспоненциальным, произошел качественный скачок, именно эта ситуация вызывает тревогу и прочее.

Любин. Это открытие границ, к которому призывает Валлерстайн...

Померанц. И это состояние сразу вызывает реакцию. Оно уже вызвало ее в Западной Европе, оно уже вызывает реакцию у нас. Здесь некоторая группа промышленников средней руки, которая чувствует, что не выдержит конкуренции с открытыми границами, – это не иммиграция, но это

параллельный процесс, – один из них выступил со своего рода манифестом «Крепость России» (в «Новой газете»), где он предлагает жестко закрыть границы, и создать покровительственную систему. Сейчас это невозможно выполнить, но тенденция такая есть, тенденция протекционизма для новой буржуазии, которая не хочет быть сырьевым придатком Европы, на что охотно шли наши олигархи, поэтому «крепость России» связана с антиолигархическим пафосом, это идея средней руки коммерсантов – создать протекционистскую структуру и дать нашей промышленности развиваться. Если не говорить о крайностях, автор там явно упивается своей идеей, в том виде, как это выдвинуто, это просто неприемлемая идея. Но за ним есть какое-то течение.

Нынешняя иммиграция – еще не тот процесс, который может смести цивилизацию. А это предупреждение, что при взрывных процессах сравнительно мирная иммиграция... Хотя арабская – не очень мирная...

Любин. Если иметь в виду демографические критерии, то тут ясно, кто кого.

Кондратьева. Расчеты показывают, насколько сократится коренное население Европы.

Померанц. Я готов выступить со скандальным заявлением. Если бы мне предстояло сейчас выбрать себе подругу – выбрать ли женщину, которая родит мне восьмерых детей, или такую, с которой я буду духовно близок, и которая родит одного – двух, вряд ли больше, потому что тогда не остается ни на что другое времени, то я не буду думать об интересах нации.

Кондратьева. Чувствуется, что вы не мусульманин.

Любин. Излишняя образованность, она и ослабила Европу, стремление к паузе созерцания, в то время, когда мусульмане действуют, ничего не созерцая и не думая о последствиях.

Померанц. Не только мусульмане. Я, кажется, рассказывал об опросе, который проводили в Штатах. Там есть небольшая группа, которая понимает, что надо бы немного притормозить расширение техногенного мира; есть фундаменталисты, повернувшиеся спиной к телевизору и т.п., и есть примерно 50% населения, не фундаменталисты, не экологические активисты. Эти 50%

стоят на позициях людоедки–Элочки, для которых главное – догнать Вандербильдиху, а на остальное им плевать. Что касается Вандербильдихи, то она поняла, что не в богатстве счастье, богатство у нее уже есть, и она хочет стать пастушкой. Тут разумное меньшинство – это богатое меньшинство. Вопреки марксизму, который считает, что бедные несут в себе великую идею, в условиях Америки бедные рвутся стать побогаче. Для этого надо наращивать ВВП, ВВП, ВВП.

Любин. Советский Союз и все страны – сателиты сидели за этим частоколом в институте философии. Когда частокол рухнул, все захотели стать Вандербильдихами и рванули в Европу и в Америку

Померанц. А если говорить о лучшей части, поехали учиться. Некоторые из них возвращаются, потому что Европа, в которой можно говорить только о галстуках, очень холодная.

Кондратьева. В связи с хлынувшими потоками иммигрантов, в Европе сейчас усиливаются антииммигрантские настроения. И это выражается не только в том, что электорат голосует за националистические партии, но и в насильственных действиях по отношению к иммигрантам. Ксенофобские настроения усиливаются. Не могли бы вы, как культуролог, сказать о природе и истоках ксенофобии как таковой.

Померанц. Ксенофобия вообще уходит в биологический мир, это не моя идея, нехотя я с ней согласился. Когда собака писает, это остаток от волчьей привычки ограничить свой охотничий участок, каждое племя стремилось защищать свои охотничьи угодья, не пускать чужих.

Любин. Не тот запах, как собака реагирует, чужой раздражает.

Померанц. Если перенестись в Израиль, то приехавшим из России часто говорят «русские свиньи, от вас воняет». То же самое отношение в Германии к русским немцам. Есть такой еврейский анекдот, золотая рыбка попала в сети рыбака, и спросила в чем его просьба. «А, ты этого не сделаешь». «Ну, все-таки» «Я хочу стать русским» «Пожалуйста», и перебросила его в Израиль. И он тут же стал «русской свиньей», от которого, говорят, воняет, а раньше он был пархатым, от которого тоже воняло. Тут работал одно время Артур Сагадеев, он

рассказывал, что в школе он был Векслер, потому что мать его вышла за атомщика Векслера, а потом нашли, что удобнее сделать его Сагадеевым. Он говорил, что раньше били жидовскую морду, а потом стали бить татарскую морду.

Кондратьева. Как вы думаете, какая из европейских стран, с точки зрения возможности резкого взрыва ксенофобских настроений, может явиться слабым звеном, зная историю формирования европейских наций. Можете ли вы спрогнозировать, где это может взорваться.

Померанц. Может быть и можно, но вы напрасно переоцениваете мои знания, тут надо знать традиции, современную политическую жизнь. В Германии есть глубокие корни ксенофобии, идеология Германия строилась на оппозиции французскому космополитизму. Это глубоко у них лежит. Сравнительно недавно умер Александров Михайлов, он был другом Сергея Аверинцева, и Аверинцева очень огорчило, что Михайлов, начитавшись Хайдегера, стал почвенником. Аверинцева это шокировало, потому что в почвенничестве есть оттенок ксенофобии. Аверинцев с отвращением относился к ксенофобии, никакая философия не могла его с ней примирить, не могла сбить со вселенского христианства апостола Павла. В Германии были и христианские и просветительские космополиты, но в германской традиции для ксенофобии больше корней. Не случайно немецкий тоталитаризм опирался на романтику, тогда как русский опирался на французскую революцию; «комиссары», «враги народа» – это все оттуда. Тем не менее, опыт покаяния за Холокост тоже в Германии есть. Вот в Скандинавии, это я прочитал в вашем реферате, сыграло свою роль то, что Норвегия и Дания были оккупированы, а Швеция – нет, поэтому в Швеции нацисты появились, а в Норвегии и Дании нацистов нет, хотя ксенофобия в Дании есть. А в России, натерпевшейся от нацистов, больше других, – опять Баркашев. Поди разберись. Я думаю, что многое зависит от того, как пойдет развитие самого исторического процесса. Если будет жесткий экономический кризис, в пенсиях и пособиях будет нуждаться коренное население, то, конечно, движение против иммигрантов, которые отбивают

рабочие места, безусловно, будет. Оно уже сегодня есть во Франции, несмотря на весь ее всемирный замах.

Любин. Позвольте я попробую на этот вопрос ответить, зная современную политическую Европу, я могу ответить, что на острие опасности находится Франция и Германия. Я думаю, что их выбор в войне с Ираком не случаен, потому что это тоже учитывалось. Во Франции маленький, казалось бы шаг, запрещение носить хиджаб (а также кипу, крест и т.д.), а в центральной прессе уже появились предупреждения мусульманской организации с угрозами устроить взрывы. Многие связывают это с общей реакцией мусульманской общины, которая может такие действия поддержать. Что касается Швеции, то она была нейтральной, но ее нейтралитет был прогерманским, какие-то корни этих пронацистских настроений были, они просто открылись. И еще хочу сказать про Аверинцева, он был человеком настолько глубоко верующим, что его ничто не могло вырвать из евангельского контекста. Я вспоминаю 70-е годы, в эти глухие времена, когда в одной хорошей компании он рассказывал о первой заграничной поездке – в монастырь на Афоне. Это было упоительно слушать.

Померанц. Корни Аверинцева в дореволюционном, глубоко цивилизованном, интеллигентском и христианском, в развитии мимо советской власти, он робко, но упорно от нее отстранялся. С ним невозможно было поссориться. Я знаю, потому что мы с ним сильно расходились во мнениях, мы быстро подружились, а потом очень по многим пунктам расходились во мнениях, спор был всегда с идеями, не с человеком, и до конца при целой куче расхождений мы никогда не злились друг на друга. Если не было встреч, мы часами говорили по телефону, и я чувствовал по голосу, что мы открыты друг другу.

Любин. Когда в Европе все к этому придут, когда также будут спорить, но не убивая, не рая, не закладывая бомбы, чтобы доказать свою правоту и чтобы невинных людей убивать. Вот это идеал, к которому, наверное, надо стремиться.

Померанц. Не только подлинное христианство, но и подлинный индуизм, подлинный буддизм глубоко терпимы.

Любин. Я нечто подобное наблюдал в Италии, когда ожесточенные политические противники яростно спорили несколько часов подряд, потом шли вместе пили чашку кофе или бокал вина и становились совершенно нормальными цивилизованными друзьями... Это политическая культура. Именно варварская нетерпимость ведет к варварским актам.

Конец интервью.